Осколки тебя

Автор:
Янина Логвин

Осколки тебя

Янина Логвин

Когда дружба перерастает в соперничество – приходит время плохих парней. Ник и Картер, лучшие друзья в прошлом, теперь стали врагами. Однажды их ненависть коснется меня, и мир разлетится осколками. А пока… Картер Райт за опасной чертой и никому не готов открыть свое сердце. Он тот, от кого я должна держаться подальше – в его синих глазах хватит холода, чтобы об этом предупредить. Но именно прошлое однажды изменит всё. Когда он ради меня выберет другую жизнь, а я забуду его так, что смогу полюбить.

Меня зовут Лена Холт и это моя история.

Содержит нецензурную брань.

Янина Логвин

Осколки тебя

Пролог

Кап. Кап. Кап.

Тяжелые капли октябрьского дождя застучали по подоконнику, легли крупными пятнами на асфальтовую дорожку, усыпанную желтыми листьями, и наконец с первым порывом ветра ударили в стекло. Заскользили вниз изогнутыми линиями, холодные и отстраненные, все ускоряя и ускоряя свой бег…

Уже через минуту фигуру за окном стало не рассмотреть, остался лишь черный силуэт, но я знала, что это он.

Мое сердце, мой враг и моя любовь.

Сегодня все было иначе. Сегодня мы оба знали – я вспомнила все.

Глава 1

Лена

Первый раз я увидела его, когда отец (тогда я еще думала, что Марк Холт, этот блондин-здоровяк с орлиным носом и хищными серыми глазами – мой отец) вернул нас с матерью из Хьюстона штат Техас в родной для него Сэндфилд-Рок.

Мне только что исполнилось одиннадцать, я поступила в среднюю школу и музыкальный класс, и даже обрадовалась, когда однажды после завтрака мама задержала меня на кухне нашей маленькой съемной квартиры и сообщила, что мы возвращаемся домой. По-настоящему домой, туда, где ее ждал муж, а меня – теплый кров и семья.

Всю мою сознательную жизнь мы переезжали с места на место – Орегон, Аризона, Техас. Стоило матери зайти в тупик с работой, или появиться рядом слишком назойливому ухажеру, как она собирала вещи, усаживала меня в машину – наш подержанный «Форд Краун Виктория» с рамным шасси, включала зажигание и выезжала на скоростную магистраль, где выжимала газ до ста миль в час и увозила нас в новый город.

Тогда, сообщив о новости, мама запнулась. В ее тонкой руке был бокал с вином – наверняка с самым дешевым и дрянным, а в больших глазах застыло странное выражение – будто она смотрела сквозь меня в свое прошлое. Но на фоне узкого окна с облупившейся краской белокожая и золотоволосая Адели Мартен, в вишневой шелковой сорочке, оголившей ее красивые плечи, смотрелась великолепно. Во всяком случае, для меня.

«Марк так и не женился, наш брак по-прежнему не расторгнут, так почему бы и не попробовать еще раз. В конце концов, даже зайцу приходит время лечь на спину и сдаться на милость охотника, раз уж его лапы оказались недостаточно быстры и сильны. – Вот что она тогда сказала и улыбнулась: – Не правда ли, чирок-трескунок?

Перелетные птицы – так она нас называла, и я кивнула:

– Правда, мам!»

Есть люди, которых одиночество закаляет. Обтесывает острыми гранями, дубит характер встречным ветром, заставляя врастать в общество корнями и становиться сильнее. Но моя мама была не из таких женщин. Душа Адели Мартен вмещала в себя очень мало прагматизма и много свободы. Не той свободы, которая раскрепощает и берет начало из твердого грунта достатка и благополучия, иначе она давно бы нашла себе какого-нибудь богача из тех, что всегда крутились поблизости, и зажила припеваючи. А той, что до последнего заставляла ее собирать вещи, платить по счетам и уезжать по автомагистрали в неизвестность. Которая необходима, как воздух.

В свои одиннадцать лет я уже стала кое-что понимать из взрослой жизни– как матери трудно со всем справляться, и как все ниже опускается горизонт ее неба. Как все больше тревожит моя тоска по оставленным друзьям и мечта обрести настоящий дом, в большой гостиной которого обязательно будет стоять рояль.

Ну, ладно, не рояль – я и сама хихикала над этой мечтой, рассказывая о ней маме, а хотя бы пианино (мой недорогой синтезатор постоянно ломался), иначе как мне учиться играть? А играть я очень хотела.

Думаю, что именно последнее и побудило маму вернуться в Сэндфилд-Рок. В конечном итоге вовсе не к Марку, а в город, в котором она родилась, и где бы он

все равно не оставил ее в покое. Сейчас я в этом почти уверена.

А еще в том, что ее первым условием Холту – было условие обеспечить ее девочке сказку. Именно поэтому Марк назвался моим отцом, а я поверила.

Потому что хотела верить.

Марк приехал за нами сам – крупный мужчина в большом, новом фургоне «Крайслер» с хромированными колесами и зубастой решеткой радиатора – такой же основательно-крепкой с виду, как сам хозяин. Войдя в мотель, где мы жили последние две недели, он сначала посмотрел на мать – долгим, изучающим взглядом, а потом взглянул на меня – уже коротко и хмуро. А после молча вынес чемоданы и коробки на парковку – те немногие вещи, которые у нас имелись.

Самое сильное воспоминание того дня – черная лаковая краска, густая и твердая, которой был покрыт его дорогой фургон. Она блестела на солнце, как зеркало, пахла чем-то механическим, и мне вдруг сделалось одновременно горько и весело. Возможно потому, что мы уезжали и продали свой старый, но любимый «Форд», а возможно потому, что я увидела в двери фургона свое кривое отражение и показала ему язык. Чтобы хоть как-то нарушить идеальность покрытия и не заплакать.

Ни единой царапины, вот что меня тогда поразило.

Позже я узнаю, что в этом будет весь Марк Холт. Все только самое лучшее, и неважно в какую цену это ему обойдется.

Папа мою выходку заметил и стало стыдно. Вдруг подумалось: а что, если я ему не понравлюсь?.. Конечно, я его совсем не помнила, но считала себя достаточно взрослой девочкой для таких поступков. А мама… мама улыбнулась. Но так незаметно, что не знай я ее всю жизнь, и не поняла бы.

По дороге в Северную Каролину мы часто останавливались, и по просьбе Марка я выходила из фургона – размять ноги и попинать камешки у обочины. И что еще удивительнее – ночевать в гостиницах мне теперь пришлось в отдельной комнате, а не с мамой, как я до сих пор привыкла. Но я не роптала. Мама теперь была не одна, и пусть отец держался со мной отстранённо, хотелось верить, что он не злой. Иначе не покупал бы мне мороженое и шоколадные пончики, ведь

так?

И, может быть, он еще станет добрым и приветливым, как папа моей подруги Камиллы, которая осталась в Техасе. Надо просто слушаться, не усложнять родителям жизнь, и все будет хорошо!

Скорее всего, я бы еще долго находила оправдания тому, почему отец со мной сух и не приветлив, и почему у нас с ним никак не получается сблизиться, несмотря на то, что я прилежно учусь и не создаю ему проблем, если бы не его сын Ник – мой старший брат. А точнее, мой сводный старший брат Николас.

От него-то я вскоре после нашего переезда и узнала правду. Что никакая я не дочь Марку Холту, и что удочерил он меня исключительно из-за больной любви к моей матери. Которая когда-то вскружила его отцу голову, а потом сбежала в Калифорнию с каким-то неудачником – не то гонщиком, а не то музыкантом.

Но все это он мне расскажет позже, когда однажды мы останемся с ним в доме вдвоем, и он вволю посмеётся над неуклюжим Трескунком – своей сводной сестрой, которую невзлюбит. Не при отце, и не при моей матери – о, нет! Никто в Сэндфилд-Роке не посмеет криво взглянуть на Адели Холт. Даже любимый сын Марка Холта и его наследник Николас.

Но я начала свой рассказ совсем не с него, а с Алекса – моего соседа.

Прошло уже несколько дней, как мы переехали из дешевого мотеля в Хьюстоне на улицу Трех клёнов – престижный район города с ухоженными домами и зелеными лужайками. У мамы появились красивые платья, а у меня – своя комната с большим окном, кровать с розовым балдахином и настоящий книжный шкаф, в который я поставила любимые книги и учебники.

Меня приняли в среднюю школу Эллисона и сам директор, мистер Гибсон, пообещал поспособствовать тому, чтобы я поступила в музыкальный класс. Все шло почти чудесно, если не считать Ника, который с первого дня изрядно портил мне жизнь. Когда его поведения не замечали родители, корчил неприятные рожицы и презрительно фыркал, натыкаясь на меня в доме.

Был солнечный апрельский день, мы с мамой час назад вернулись из школы, в которую отнесли документы, и я отпросилась у нее в книжный магазин – он

располагался в самом низу улицы, на территории небольшой плазы*, между аптекой и банком, и заблудиться казалось невозможно. Мне хотелось купить открытку для своей подруги Камиллы с пометкой штата, написать ей трогательное послание, как в фильмах писали взрослые, и отправить по настоящей почте, в конверте с марками и отпечатком моих губ – так делали девочки в Техасе, которые считали себя достаточно взрослыми для того, чтобы воспользоваться маминой помадой.

Я помахала маме рукой, выскочила из дверей на улицу и побежала по мощеной аллейке к дороге. Уже спрыгнула на нее, спускающуюся к магазину, когда внезапно остановилась, увидев огромный белый дуб, росший на краю лужайки у красивого дома напротив и притянувший мое внимание.

Я заметила его еще из окна своей спальни, а сейчас увидела вблизи и не смогла пройти мимо.

На нем уже начали распускаться листья, но крепкие толстые плети ветвей, раскинувшиеся, словно руки, были еще голыми, и сквозь них проглядывало высокое голубое небо.

С ветки на ветку вдруг перепорхнула птичка с багряно-алым оперением – красный кардинал. Мне еще не приходилось их видеть. Зачирикала весело «черёк-ток-ток», помахивая яркими крылышками. Говорили, что кардинал прилетает к дому, как вестник счастья, и если поймать его сброшенное пёрышко и сунуть под подушку, то можно смело загадывать желание.

Желаний у меня было много, хоть отбавляй, а перышка – ни одного! Я вскинула голову и отпрыгнула назад, чтобы хорошенько рассмотреть птичку, когда услышала сзади чей-то громкий, предостерегающий вскрик.

Поздно. Что-то больно боднуло меня в спину, я выставила руки, и упала в траву. А обернувшись, увидела рядом незнакомого темноволосого мальчишку. Он сидел на дороге возле опрокинутого велосипеда и потирал ладонью ушибленное колено. Похоже, ему досталось больше, чем мне.

Мы с удивлением уставились друг на друга.

– Цела? – спросил мальчишка, и я осторожно кивнула:

– Да.

Охнув, легко вскочила на ноги и поспешила ему на помощь. Это я была виновата в нашем падении и надеялась, что он не сильно ушибся.

– Извини, я тебя не видела! Я не хотела!

Мальчишка помощь принял и вовсе не выглядел обиженным. Встав, отряхнул колени и взглянул с любопытством.

– Привет! Ты кто такая? Откуда здесь взялась?

– А ты? – дети часто, когда растеряны, отвечают вопросом на вопрос, вот и я не стала исключением. А он ответил.

– Я – Алекс Райт, и это мой дом, – показал рукой на большой двухэтажный коттедж. – И раньше я тебя тут не видел. Так кто ты?

Я еще никогда не пожимала руки мальчикам, тем более таким симпатичным – стройным, вихрастым, с красивыми синими глазами. Но этот мальчишка явно не собирался уходить, и я решила попробовать. Протянула руку и улыбнулась:

– Привет, меня зовут Лена Холт, – представилась, как научили родители, и показала рукой за спину: – А живу я вот в этом доме!

Мой дом тоже был ничуть не хуже, чем у него – двухэтажный, белый, с красивыми колоннами у входа. Разве можно его сравнить с нашей квартиркой в Хьюстоне, где была такая крошечная кухонька, что мы с мамой едва помещались в ней вдвоем? Смешно! Поэтому и показала гордо.

Мальчишка по имени Алекс удивился. Распахнул свои синие глаза.

– Так ты и есть та самая дочь мистера Холта, о которой все говорят?

Конечно же, мне было интересно узнать, что обо мне «все говорят» в Сэндфилд-Роке. Я подождала, пока мальчишка поднимет свой велосипед, и спросила: «А

что говорят?».

– Ну, разное, – неопределенно пожал он плечами. Вручив мне велосипед, поднял с асфальта мой рюкзак и помог надеть на плечо. – Но в основном то, что твой отец сильно постарался, чтобы найти вас с мамой и вернуть домой. Это здорово!

Это прозвучало прежде всего очень мило, и я кивнула:

– Еще как!

У меня не было здесь друзей, а Алекс смотрел приветливо, и мне сразу же захотелось ему все рассказать. И про Хьюстон, и про Камиллу, и про то, как здесь все красиво – на улице Трех клёнов. Я так еще никогда не жила!

Но сказала совсем другое.

– Знаешь, если бы я была градоначальником, я бы назвала эту улицу – улицей Белого дуба! Это же каждому понятно! Разве могут клёны с ним сравниться? – и, повернувшись, посмотрела на дерево, из-за которого мы оба упали.

Мы находились на огромном пологом холме, слева, далеко внизу лежало побережье океана, справа, за городом – виднелись горы и густой лес, а вдоль улиц росли высокие платаны и клёны – уж точно гораздо больше трех!

Алекс тоже вскинул голову. Красная птичка не улетела, она так и порхала в ветках, красиво чирикая и греясь на солнышке.

– Этому дубу восемьдесят лет. Его посадил еще мой прадедушка, когда уходил на войну, а его жена, наполовину индианка, ждала ребенка. Они очень хотели сына и попросили об этом индейскую богиню плодородия. И посадили это дерево. Понимаешь, прадед мог не вернуться, а дуб символизировал продолжение рода.

– И ты в это веришь?

Алекс пожал плечами.

– Не очень, если вспомнить, что его сын – мой дед, всю жизнь был протестантом, а бабушка тридцать лет проработала диктором на местной радиостанции и, честно говоря, любила присочинить. Она еще и не такие истории рассказывала!

Я с новым интересом посмотрела на мальчишку.

– Но ты вовсе не похож на потомка индейцев, – там, где я в последнее время жила, в Южных штатах, мне не часто приходилось их встречать, но во внешности Алекса я не заметила характерных черт внешности коренного народа.

– Это потому, что моя мама голландка, а папины предки приехали в Америку из Ирландии, – охотно объяснил Алекс. – Но я смуглее тебя.

Это была правда. Хоть волосы у меня были не мамины – золотисто-пшеничные, а темно-русые и немного волнистые, но светлую кожу я унаследовала от нее. Как и цвет глаз – зелено-карий.

Мы внимательно посмотрели друг на друга, словно оценивая, а потом, не сговариваясь, повернули головы к дубу.

– Правда, он ужасен? – но сказал это Алекс с восхищением, и я захихикала:

– О, да-а! Он похож на большого страшилу, но только доброго.

– Точно! На Страшилу Рэдли из «Убить пересмешника»! Которого никто не видел, но все боялись!

– А он на самом деле оказался добрым и спас Джима и Джин!

Мальчишка белозубо рассмеялся, и я подхватила его смех. На щеках Алекса показались ямочки, такие симпатичные, что, засмотревшись на них, я затихла.

Он это заметил, и тоже замолчал. Удивился:

– Неужели ты читала роман Харпер Ли? Ты не выглядишь взрослой.

– Нет, что ты! Мне только одиннадцать! Мы будем изучать его в восьмом классе, но я видела фильм!

В нашей жизни с мамой было не так много денег, чтобы покупать платные подписки на телевизионные каналы, особенно когда мы жили в мотелях, поэтому чаще всего мы смотрели бесплатное телевидение, а там часто крутили старые фильмы.

Зато мы всегда, когда выпадала такая возможность, ходили с Адели в кино. Наряжались, как нам нравилось, садились на средний ряд, пили колу и ели попкорн. Я обожала такие вечера! На маму всегда смотрели, а она никого не замечала, мы были только вдвоем!

Как-то неожиданно я смутилась. Вздохнув, надела рюкзак на второе плечо и бросила взгляд в сторону плазы.

– Мне нужно в магазин, купить открытку для одной девочки. Там ведь есть открытки?

Алекс с интересом смотрел на меня.

– Если ты спрашиваешь о книжном магазинчике Джонсонов, то там чего только нет – даже перцовые пластыри и костюмы на Хеллоуин! Я покупаю у них комиксы. Мои любимые – «Неуязвимый» и «Черный молот», о таинственном городе Роквуд. Ты читаешь комиксы, Лена? Они клёвые!

Я мотнула головой:

– Нет, не читаю.

– А я люблю, хотя мой брат их терпеть не может. Говорит, что они для тупых. Так же, как карусели в парке развлечений и консервы с вареным горохом. Тупее этого – только петь псалмы в церкви, как поет Грегори Батлер. Но что Грегу остается делать, если его отец – священник? – Алекс грустно хмыкнул. – По мне, так у него нет выбора.

А я ахнула.

– Неужели он такой грубиян?! Твой брат?

– Уф! – Алекс, улыбаясь, закатил глаза, и сразу стало все ясно. – Он – мое темное альтер-эго! Обратная сторона луны, на которую лучше не заглядывать. Он тот, кто на Хеллоуин всегда выбирает самый жуткий костюм, а доброму волшебнику предпочтет компанию Волан-де-Морта. И это вовсе не мои слова, Лена, а его, хотя я с Картером не согласен!

Что такое «альтер-эго» я не поняла, а спросить постеснялась. Мальчишка был постарше и держался уверенно.

– Ну, идем? – Алекс оставил велосипед в траве у дуба и повернулся ко мне. – Провожу тебя к магазину Джонсонов. Если сегодня за кассой будет стоять Рут, ты сама от нее не отвяжешься. У этой леди дар развязывать людям язык. Она и мертвяка разговорит! И не заметишь, как выдашь ей все свои секреты, а к вечеру о них будет знать вся округа! Не думаю, что вам с мамой это нужно.

– Нет, не нужно! – согласилась я и показала рукой на велосипед: – И что? Ты оставишь его тут просто так?

– Конечно. Здесь все знают, что это мой. Не переживай, пойдем!

Алекс оказался приятным собеседником. Он умел шутить, интересно рассказывал о Сэндфилд-Роке, и уже через пять минут мы оба улыбались, направляясь вниз по улице. Когда подошли к книжному магазинчику, он остановил меня у входа за руку и попросил:

– Лена, а сейчас надуй щеки, и чтобы ни случилось – молчи! Выберешь открытку и покажешь на нее пальцем – поняла? Я умею с этой леди разговаривать!

– Да! – на самом деле, я ничего не поняла, но весело хмыкнула своему новому другу и послушно набрала в рот воздух.

Внутри магазинчика ароматно пахло синтетической хвоей. Он встретил нас звоном дверного колокольчика, уютной тишиной небольшого зала и таким разнообразием товаров, что от удивления я едва не распахнула рот!

Но гораздо больше книг и разных сувениров меня поразили индейские маски и головные уборы – роучи, сделанные из щетины и длинных перьев, развешанные под потолком – ничего себе! Я тут же вскинула голову, их рассматривая.

– Ой, Алекс! Привет! Как поживаешь? Давненько ты к нам не захаживал за новинками!

– Здравствуйте, миссис Джонсон! Лучше всех! Да, две недели уже!

Касса и главный прилавок находились слева от входа, и я не сразу заметила молодую, полноватую женщину, темнокожую, с короткой стрижкой и большими серьгами в ушах. Она пила кофе и листала журнал, но увидев нас, отложила последний в сторону и прищурила взгляд.

– А это кто сегодня с тобой? Юная незнакомка? Так-так, мистер Райт, уж не подружку ли ты себе завел? Не рановато ли, ковбой? – высокая и крепкая Рут Джонсон басовито хохотнула, довольная своей шуткой.

– Нет, это моя соседка – Лена Холт. Дочь мистера Марка Холта. Она в городе недавно, и я решил проводить ее в магазин, – охотно ответил Алекс и сам сощурил глаз, улыбаясь женщине: – Но вы уже наверняка о ней слышали? Не так ли, мэм?

Конечно же, Рут слышала. При звуке моего имени она вся обратилась во внимание и распахнула глаза. Когда ты год за годом торчишь в магазине за узкой стойкой, зная в лицо едва ли не всех жителей в городе, не так уж много у тебя развлечений, чтобы пропустить еще одно.

Я стояла за плечом у Алекса и молчала, как он и просил. Темнокожая леди наклонилась вперед и протянула мне руку.

– О-у! Добро пожаловать в Сэндфилд-Рок, детка! Рада с тобой познакомиться!

Я шагнула вперед и пожала ладонь. Промычала воодушевленно: «И я!», но с закрытым ртом вышло странно, и миссис Джонсон вытянула шею.

– Святой Патрик! Алекс, она что же, совсем не говорит? Бедняжка! – огорчилась Рут, с чувством прижав ладонь к внушительной груди, на которой висела нитка бус с кулоном в виде мохнатой кисточки, украшенной разноцветным бисером. – Какая жалость! – охнула. – А я только собралась узнать, как там поживает ее мама и передать Адели привет! Я ведь ее хорошо помню, мы вместе учились в старшей школе. Такая была красотка! Правда, немного замкнутая, но с ее папашей Чарли – это и не удивительно!

Честно говоря, мама и сейчас была очень красивой женщиной, особенно в новых платьях, которые ей купил папа, но меня учили, что спорить со взрослыми людьми невежливо, а с закрытым ртом еще и невозможно, поэтому я немножко растерялась. А еще потому, что о мамином папаше Чарли никогда не слышала.

– Что вы, мэм! Еще как разговаривает! – заверил хозяйку магазина Алекс. – Болтает так, что у всех уши в трубочку сворачиваются! Мы пока сюда шли, слова не давала вставить!

– Да? А что же сейчас произошло?

– Так это… шмель в рот залетел! – нашелся Алекс и показал женщине половину мизинца. – Во-от такой, размером с квотер*! Она его поймала, а выпустить боится! Слышали бы вы, миссис Джонсон, как он гудел! Как кошмарное существо, пожирающее пространство!

– О, Господи, ребенок! – забеспокоилась Рут и постучала ладонью по столу. – Немедленно выплюни эту дрянь! Слышишь, сейчас же!

В синих глазах Алекса плясало веселье, передаваясь мне, и я решительно замотала головой. Ни за что, мол!

– Вот, видите! – дернул плечом мальчишка. – Не выплюнет.

– Но почему?!

– Бизнес, мэм. У меня есть три лишних доллара, а Лене нужна открытка. Мы поспорили, что если она продержит шмеля во рту до тех пор, как вернемся домой – деньги ее!

– Ох, Алекс! – покачала головой женщина. – Ну и выдумщик ты! Думается мне, что это не очень хорошая идея.

– Что вы, мэм! Идея классная! Вы только представьте сколько всего интересного она мне не сможет рассказать! Откуда приехала и как жила. Ведь это не очень вежливо – расспрашивать о личном малознакомого человека, правда? Даже если ужасно хочется!

– Э-э, думаю, да.

– Вот и я так думаю. Мама меня точно похвалит! – Алекс обернулся ко мне и показал рукой на вращающийся стеллаж. – Ну, пойдем, Лена, выберем для тебя открытку! Спасибо, миссис Джонсон!

Мы выскочили из магазина и побежали дальше, держась за руки, словно два проказника, объединенные одной тайной. Давно я так сильно не хохотала, до колик в животе. И даже когда мы прибежали к почтовому отделению и из моего кармана выпала мамина губная помада, я не очень сильно смутилась, объясняя Алексу, зачем она мне понадобилась:

«Ты помнишь фильм «Письма к Джульетте»? А у меня будут письма к Камилле! Я очень хочу, чтобы она знала: я о ней помню!»

Вот так мы познакомились и подружились с Алексом Райтом – мальчишкой-соседом, который жил напротив. И не важно, что шмели еще не проснулись и только ворочались в своих гнездах. Главное, что в нас проснулось что-то другое. Что-то гораздо более легкое и приятное, похожее на маленькое солнце, что еще долго заставит улыбаться при виде друг друга.

Глава 2

А вскоре город познакомил меня и с другими своими обитателями.

Брата Алекса, Картера, я увидела через несколько дней, когда к Николасу пришли друзья, и мама предложила мне с ними познакомиться.

Она вошла в мою комнату, вручила в руки тарелку с печеньем и попросила всех угостить. Думаю, что в тот момент ей было так же неловко, как мне (мы обе все еще привыкали к дому Холтов), но она хотела, чтобы городок и его юные жители меня приняли, а поэтому постаралась – печенье с миндалем вышло замечательным!

Чего нельзя сказать о самом знакомстве.

– Трескунок, причешись и отнеси угощение. К Николасу пришли мальчики, будет чудесно, если вы подружитесь. Марк сказал, что все они из твоей новой школы и живут поблизости. Хорошо бы тебе их узнать. Вдруг, кто-нибудь из ребят окажется в твоем классе.

При последних словах я обрадовалась, конечно же, сразу подумав о своем друге-соседе, по которому успела соскучиться. В связи с переездом я пропустила неделю школьных занятий и теперь по вечерам готовилась к учебе и проводила время с мамой, папой и сводным братом – по правде говоря, не самые приятные часы досуга, в которые мы учились быть одной семьей, вместе выезжая в магазины и ресторанчики, позволяя любопытным жителям Сэндфилд-Рока поглазеть на Холтов.

Всякий раз в такую прогулку я мечтала, чтобы она поскорее закончилась, чувствуя, что Ник меня за эти поездки ненавидит. Каждый раз он старался меня больно пихнуть на заднем сидении отцовского джипа и прошептать так, чтобы родители не услышали:

«Ну, давай, глупая утка! Пожалуйся на меня папочке! Распусти сопли, он же та-ак любит свою принцессу! Может, пожалеет и отвезет тебя обратно в твой Хьюстон! В конуру, в которой ты жила. Я все знаю!»

Я не хотела жаловаться. Я хотела, чтобы Николас меня не замечал, раз уж мы с ним не смогли подружиться. Совсем. В конце концов, моей вины не было в том, что он рос с отцом, а не с матерью, у которой была другая семья. Все это я узнала одним утром от миссис Фернандес, нашей приходящей уборщицы, а после маминых слов сразу же подумала об Алексе Райте.

Почему он другой? Не такой, как Ник? Как было бы замечательно, если бы именно Алекс оказался моим старшим братом! При нашем расставании он невзначай обронил, что на выходные уезжает с семьей в Гринсборо, и сейчас мне отчаянно захотелось, чтобы он вернулся и оказался здесь! И чтобы Ник вел себя нормально, а не кривил презрительно губы и не насмехался, ведь Алекс сам сказал, что он мне друг!

Эта мысль одновременно смутила и обрадовала.

Я завязала волосы в высокий хвост, взяла тарелку с печеньем и, широко улыбаясь, отправилась в гостиную, где возле телевизора сидели мальчишки – трое. Они резались в приставку и о чем-то оживленно болтали, но, заметив меня, повернули головы в мою сторону.

– Кто это? – спросил рыжеватый парнишка, одетый в мешковатую футболку. На его голове криво сидела бейсболка с логотипом незнакомой спортивной команды, и сам он выглядел упитанным здоровяком. – Что за девчонка?

– Это Лена, моя младшая сестра, – к моему удивлению вполне спокойно начал Николас, но вот закончил в своем духе: – Нашлась, бродяжка. Она теперь здесь живет, и моя новая мамочка хочет, чтобы мы с отцом ей задницу подтирали. Покупают ей все по первому требованию, словно она принцесса! – Он недовольно хмыкнул, показывая друзьям свое ко мне отношение: – Таскается за мной, как прилипала! Надоела!

– А она симпатичная. Плоская, правда, как доска, – сказал еще один мальчишка, постарше, забравшийся на спинку дивана. – Сколько ей лет, Ник?

– Одиннадцать. Но если кто-нибудь из вас ее тронет – башку оторву! Ясно? Даже не смотрите в ее сторону! Я и только я – ее личное исчадие ада!

Все притихли, я тоже растерялась. Громко рассмеялся лишь темноволосый мальчишка – четвертый. Он сидел на полу, с джойстиком в руках, поэтому я не сразу его заметила.

– Ай-яй-яй, Ники, – негромкий голос прозвучал насмешливо. – Ты повторяешься, дружище, – заметил он с холодной ленцой. – Это были мои слова, и говорил я о своей сестре Виктории. На кой черт нам сдалась твоя принцесса-бродяжка?

Лучше скажи ей, пусть уже захлопнет рот, подаст печенье и свалит! Здесь ее некому развлекать!

Что?! Я во все глаза смотрела на мальчишку и не могла поверить своим глазам и тому, что слышу. В этом городе у меня был один друг, и выглядел он его точной копией!

Вот только синие глаза сегодня казались темнее и смотрели из-под длинной челки совсем иначе – равнодушно и совсем без участия, словно видели меня впервые. И жестче выделялись скулы на холодном лице.

Я опешила, услышав такие грубые слова.

– Алекс? – выдохнула и голос дрогнул. – Разве ты меня забыл? Это же я – Лена! Помнишь магазин?!

– Не помню. Оставь печенье и исчезни, Лена!

Мальчишки переглянулись, а потом разразились смехом. И громче всех мой брат Николас.

Но ответил рыжий толстяк, повалившись к друзьям на диван:

– «Ах, Алекс, разве ты меня забыл? Как ты мог!» – тонко передразнил он меня, сымитировав мой голос. – Вот же тупица! Нет, это не Алекс, глупая! Это Картер – его брат-близнец! Ты их спутала!

Покраснев от стыда, я попятилась, оставила печенье на столе и выбежала из комнаты.

Наверное, провидение сжалилось надо мной, потому что в этот момент из окна в прихожей я увидела Алекса, выезжающего со своего двора на велосипеде и поглядывающего на наш дом.

Быстро надев куртку и кроссовки, я предупредила маму и поспешила выйти к нему, оставив чванливых идиотов смеяться надо мной в одиночестве, все еще удивляясь, как могут два мальчика быть такими разными и такими похожими

одновременно.

С тех пор я старалась не замечать насмешки Николаса, не заговаривать с ним без надобности, и не пересекаться с его друзьями в нашем доме. Маме не жаловалась – ей тоже приходилось непросто. Папа часто ее куда-то увозил и почти не отпускал от себя. Иногда я слышала, как он довольно резко говорит с ней, но все это происходило за закрытыми дверьми их спальни, и при мне мама никогда не показывала, что ее это беспокоит.

Встретившись с Алексом, я не стала ему рассказывать, что произошло в гостиной дома Холтов, но призналась, что видела его брата. Он догадался сам и спрашивать не стал. В тот вечер, чтобы поднять мне настроение, Алекс усадил меня на велосипед и показал издали Коралловый холм. А вот к дому миссис Слоун на соседней улице, в котором жило с полсотни кошек, мы подобрались близко. Они сидели везде – яркие, пятнистые и самые обычные. На некрашеном крыльце дома, на водостоках, на невысоком заборе, на заросшем газоне и даже на почтовом ящике!

Жаль, что тогда мы не догадались прихватить с собой еду, но мы еще не раз наведаемся на соседнюю улицу с друзьями Алекса, с которыми он меня познакомит. С Грегом Батлером, Чаком Форси, Пилар Мендес и другими ребятами, живущими в Сэндфилд-Рок. А в тот день Алекс снова шутил, и обида на глупых мальчишек быстро забылась – нам просто не стало до них дела.

И все же одно меня смущало – Картер, стоило его увидеть. Я так и не смогла к нему привыкнуть.

Проходило время, а мне все так же, как в первый раз, было странно видеть зеркальное отражение Алекса в другом человеке. Особенно когда два брата по утрам выходили из дома и садились в школьный автобус вместе с сестрой. В то короткое время, когда они вместе шли или стояли рядом, когда улыбались друг другу, перебрасываясь шутками, из взгляда Картера исчезала темнота… Когда он поднимал руку и отбрасывал челку с лица, они с Алексом были так похожи.

Возможно, будь они так же схожи и характерами, все встало бы на свои места.

Но Картер Райт оказался именно таким, как о себе говорил. Темной стороной луны, на которую лучше не заглядывать.

Глава 3

Картер

Старшая школа

– Хорошая тренировка, ребята, но расслабляться рано! Цель – превыше всего! Я хочу, чтобы к моменту матча со школой Джеферсона каждый из вас знал, ради чего он вышел на поле, и был готов вырвать победу у «Бульдогов» зубами! Все ясно?

– Да, сэр!

– Лукас, ты по-прежнему продолжаешь раскачивать стик при попадании мяча в сетку. Сколько можно повторять: используй импульс, а не глуши его! Ослабляй верхнюю руку. Все понял?

– Да, сэр!

– Николас, обрати внимание на подачу и скорость. Помни, что на тебе, как на нападающем, лежит ответственность за осуществление быстрых прорывов и перемещения мяча на половине соперника. Я уже молчу о забивании голов. Включай не только силу, но и мозги! Работай на зону атаки с оправданной агрессией. У тебя снова два предупреждения за игру, парень! Какого черта, Холт?! Во время игры с «Бульдогами» ты мне нужен на поле, а не на штраф-площадке!

– Исправлюсь, сэр!

– Картер Райт…

– Слушаю, сэр.

Голос тренера понижается и в раздевалке становится тише. Я снимаю шлем и сдергиваю с себя футболку. Вытираю ею взмокшую шею. Кое у кого из парней вырывается сочувствующий вздох – тренер Херли жесткий человек, и все об этом знают. Как знают и то, что я не люблю подчиняться правилам. Но я все еще здесь, в команде «Беркуты» старшей школы Эллисона по лакроссу, и всем интересно, почему. Думаю, узнай они причину – это бы их удивило. Многие здесь только затем, чтобы поступить в колледж.

Мне, правда, пока об этом думать рано.

– Иногда мне кажется, Райт, – говорит тренер Херли, сцепив руки за спиной и поджимая губы после каждого произнесённого им слова, – что ты сделан из неизвестного мне волокна, с иным запасом прочности. Отличная игра, парень!

– Спасибо, сэр.

– Если ты продолжишь играть в том же духе, у нас у всех уже в этом году появится шанс надрать задницы «Бульдогам». Оставляю тебя атакующим полузащитником и очень на тебя рассчитываю. Саймон Адамс?

– Слушаю, сэр!

– Парень, твои длинные руки нужны в защите! Ты встаешь в игру на место Райта! Всем всё понятно? Через две тренировки утверждаем состав команды!

В раздевалке находятся две дюжины человек, но все отвечают в унисон:

– Да, сэр!

Я захожу в душевую одним из первых, смываю с кожи пот, пропитанный адреналином, но на выходе из кабинки меня поджидает Саймон Адамс – черный, как ночь, и такой же предсказуемый тип. Он учится классом старше, он меня крупнее и выше, и после слов тренера считает себя вправе выместить на мне злость.

Не скажу, что все происходит неожиданно. После последнего решения Херли поменять нас местами я был уверен, что мы схлестнемся – слишком высок

авторитет Саймона в старшей команде, в которую мы только перешли с Ником и Лукасом, чтобы оставить без внимания мои четыре очка. Но раз уж тренер решил оставить за нами право выяснить всё между собой, я отвечаю на атаку.

Мы обмениваемся ударами почти беззвучно – мои удары быстрее и резче, и скоро переходят в серию. В шуме тугих струй, бьющих о кафель, наши дыхания смазываются и рваные выдохи глохнут. Даже жаль, что он просчитался – все заканчивается слишком быстро.

Когда я выхожу в раздевалку, обмотав полотенце вокруг бедер, Саймон остается стоять на четвереньках, сплевывая кровь на пол и пытаясь подняться. Удивленный и разочарованный в своей силе, которая его подвела.

Ничего, уже очень скоро он захочет реванша, и он обойдется ему еще дороже.

Ребята постарше косятся на меня, а Ник ржет, привалившись к шкафчику:

– Ну, как, парни? Я же предупреждал Адамса, что лучше не нарываться. Спорим, он не выйдет из душевой раньше, чем через три минуты?.. Эй, Адамс! – орет Ник. – Мамочку позвать? Или лучше сразу твою девчонку, чтобы зализала раны?.. Кто знает, может, тебе еще кое-что перепадет из жалости? О, черт, парни, а я бы на это посмотрел!

– Заткнись, Холт! – я подхожу к своему шкафчику и надеваю боксеры. Следом натягиваю джинсы, кроссовки и, наконец, толстовку. Напряжение после игры и драки держит тело в приятном тонусе – люблю такие моменты, а вот трепать языком – не очень. Но Нику нравится, и он продолжает насмехаться над Адамсом, пока того нет в раздевалке.

Черт с ним! Я не переживаю за Холта, в конце концов, он почти такой же отмороженный придурок, как я. Если ему хочется получить по роже, то это его дело.

В раздевалке стоит плотный запах потных тел. Я заталкиваю грязную одежду в спортивную сумку, щелкаю молнией и направляюсь к выходу. Предупреждаю друзей, толкая дверь в коридор:

– Жду вас на улице!

– Окей, Райт!

Я прохожу мимо спортзала, следую дальше по коридору и выхожу на школьный двор со стороны парковки. Октябрь в этом году выдался теплый и на деревянных скамейках все еще сидят школьники – кто в ожидании родителей, а кто просто треплется, составив друг другу компанию. В этой большой школе хватает спортивных секций и глупых занятий вроде тех, какими увлечен мой брат, чтобы занять каждого. Так что обычно здесь до самого вечера довольно шумно.

Заметив меня, с ближней лавочки сдергивается парочка сопляков и убирается подальше – в сторону трибун открытого стадиона. Отлично!

Я подхожу к лавочке, бросаю на нее сумку и сажусь, тяжело откинув плечи на спинку. В голове вновь долбится знакомая мысль: скорей бы получить права, а не сидеть здесь, как идиот, в ожидании школьного автобуса. Но, черт, я уже предчувствую, что этот год станет для меня самым длинным, и драка с Саймоном не кажется приятной.

– Привет, Картер! Ты уже закончил? Я боялся, что снова опоздаешь. Как прошла тренировка?

Я поворачиваю голову (хотя могу этого не делать, голос парня знаком мне едва ли не лучше, чем мой собственный), и вижу Алекса. Он подходит ближе, снимает с плеча рюкзак и ставит рядом с моей сумкой. Хлопнув меня по плечу, садится на скамейку и вытягивает ноги. Вздыхает устало, проводя ладонью по лицу:

– Ну и денек! Две статьи, и обе срочно. Похоже, ты был прав насчет нашего секретаря – мисс Моран. Ей нравится меня эксплуатировать, теперь я и сам это вижу.

– И что на этот раз понадобилось хитрой жабе?

Алекс хмурится при моих словах, поджимает губы, но отвечает:

– Да чушь для городских новостей Сэндфилд-Рока! Обычная благодарность спонсорам от имени учеников и дирекции. Красочный отчет, чем живет наша школа в новом учебном году, и как мы поддерживаем нашего доброго мэра Болтона. Ничего нового, Картер, поверь. Год назад мы с Кевином писали о том же самом!

– Отстой.

– Точно. Но главное не это. Она не дает мне писать, о чем я хочу, понимаешь? Мои статьи называет недостаточно толерантными и собирается обсудить их на собрании школьного комитета!

Алекс вздыхает, и теперь уже я хлопаю его по плечу.

– Забей, Ал! Моран старая прожженная феминистка, которой не насрать на тебя. Она не хочет, чтобы ты споткнулся. Ты просто пока этого не понимаешь.

– Я пытаюсь, Картер…

– Но?

– Но несправедливость меня убивает! Мне нравится работать в школьной газете, однако я не соглашался молчать! И если в семьях с приёмными подростками есть проблемы, то кому, как не подросткам об этом говорить?.. Ты знаешь, что Тильда Стронг из десятого класса только этим летом дважды сбегала из дома?

– И?

– У этого должна быть причина! Я не верю, что все дело в ее характере и плохой наследственности, как уверяют родители. Чушь!

Я смотрю на Алекса и смеюсь. Вот уж кому наплевать на лакросс и на все драки в школьной душевой. Моего брата интересует журналистика и литература. Ах, да, еще гребаные судьбы несчастных людей, которым по большому счету нет до Алекса никакого дела.

Как всегда его волосы взлохмачены и, в отличие от моих, выглядят так, словно он весь день запускал в них пальцы. Сухие губы обкусаны, а на ладонях следы от маркеров.

– Чувак, ты можешь хоть один день прожить для себя? – говорю я в который раз. – Не думая о других? Какого черта ты рвешь задницу, Алекс?!

Но я и сам знаю ответ – не может. В этом его суть – верить в лучшее и давать людям шанс. Провидение еще в утробе матери, отвесив поровну общих генов, разделило нас на светлое и темное. Именно поэтому я вижу то, что никогда не увидит он. И, надо полагать, наоборот. Потому что, глядя на милую блондиночку Тильду Стронг, я вижу лишь лживую стерву и умелую манипуляторшу, готовую навесить петлю на любого, кто не позволит ей сосать из него кровь. И да, ее приемные родители правы, нет никаких чертовых причин, она просто такой родилась!

Мимо к парковке идут девчонки-старшеклассницы, и моя кривая улыбка притягивает их внимание.

– Привет, мальчики! Как дела? – здоровается одна, но я выбираю другую – у которой больше грудь, а в глазах есть то, что мне нужно – интерес, и отвечаю:

– Привет, Хлоя. Отлично выглядишь!

– Вас подбросить домой, Картер? У нас есть лишние полчаса!

Хорошее предложение, мне нравится. Я делаю вид, что размышляю, а Алекс поспешно мотает головой – так решительно, словно вообще боится оказаться возле девчонок:

– Нет, спасибо! Я остаюсь. Хочу дождаться Лену, у нее скоро закончится музыкальное занятие. Я обещал ей, что мы зайдем в кафетерий к Бобби. У нас… у нас есть повод, – вдруг смущается он.

Как предсказуемо, мы с девчонками озадачено переглядываемся. Но сегодня пятница, спешить некуда, и эти чертовы несколько минут наедине с братом для меня кое-что, да значат.

– Увы, девочки, – пожимаю я плечами, – в другой раз. Сегодня я хочу посмотреть, как мой брат, наконец-то, поцелует свою девчонку. Вы слышали: у него есть повод!

Старшеклассницы, хохоча, уходят, Алекс краснеет, а я вскидываю брови:

– Ну, что не так, Ал? Я же не виноват, что ты никак на это не решишься? И да, мне смешно! Никогда не понимал, что ты нашел в своем худом Трескунке, когда вокруг так много симпатичных Хлой!

Я поворачиваю голову и задумчиво провожаю девчонок взглядом. Размышляю вслух:

– Конечно, переспать с ними вряд ли получится, но целоваться они тебя точно научат. М-м, Ал? Я знаю, о чем говорю. Еще не поздно их догнать!

Конечно, Алекс сердится, вскакивает со скамейки и сердито бросает сквозь зубы:

– Придурок! Даже не начинай! Это не твое дело!

– От придурка слышу! – легко возвращаю я. – Конечно, не мое. Мне хватает и нашей малохольной сестры, чтобы я позволил вынести мне мозг еще одной зануде-малолетке! Что, Алекс, будешь ждать, когда ей исполнится восемнадцать, чтобы стать мужиком? Не смеши! Тебе скоро семнадцать, через год ты сам от скуки ее бросишь, потому что устанешь спускать вручную!

– У «нее» есть имя – Лена. И ты это знаешь!

– И что? Предлагаешь с ней подружиться?

Угол воротника рубашки Алекса снова загнут внутрь – старая привычка мальчишки-мечтателя, в детстве рассказывающего нам с сестрой выдуманные истории. Сколько себя помню, меня всегда в людях раздражала подобная небрежность, но странное дело, это раздражение никогда не распространялось на брата.

– Думаю, было бы неплохо! Во всяком случае, Лена хотя бы приходила в наш дом! Не понимаю, Картер, – Алекс хмурит лоб, рассматривая меня. – Почему ты всегда хочешь казаться хуже, чем есть на самом деле? Я же знаю тебя лучше всех. Ты не такой!

Снова он за свое. Я качаю головой и лениво его поправляю:

– Это немного не так звучит, Ал. Я для тебя не такой – есть разница. Это ты хочешь видеть меня лучше, чем я есть. Но это не так.

Я знаю, что он возразит, он никогда не устанет перетаскивать меня на светлую сторону, чего бы ему это ни стоило.

– Это так!

Выдохнуть получается сипло.

– Вот только не включай режим «зануды», Ал, а то я пожалею, что не ушел с Хлоей.

– Даже не думал, – слышу упрямый ответ. – И я тебя не держу!

Окей. Я берусь за ручку сумки и встаю. Закидываю ее на плечо. Ссориться мы оба не любим, но если очень хочется, то почему бы и нет?

– А что же тогда ты делаешь? – замечаю ему не без раздражения. – Мы уже пять минут говорим о тебе, а ты так и не спросил, как прошла моя тренировка. Но забей, паинька, я ухожу!

– Стой!

Алекс меняется в лице и ловит меня за локоть. Останавливает, поворачивая к себе.

– Извини, Картер, я не хотел тебя обидеть. Просто ты строишь из себя злодея, а я устал искать этому объяснение. Если тебе самому плевать на то, каким тебя видят другие, то мне – нет! Каждый раз, получая грамоту за отличную учебу, я

продолжаю себя спрашивать: почему я, а не ты? Ведь мы с тобой знаем, кто из нас двоих не только сильнее, но и умнее. Так всегда было, Картер!

– И будет! – не выдерживаю я. – И лучше держи язык за зубами!

– Но почему?! – искренне недоумевает Алекс.

– Потому что злодеи всегда хитрее и умнее, ты разве не знал? В их темных закоулках души прячется то, что пугает и заставляет с ними считаться. Чувствуешь, разницу?.. Меня не волнует чужое мнение и признание в глазах других. Я никому не позволю убедить себя в том, что на мне лежит супер-миссия спасти этот гребанный мир. Даже тебе, Ал!

Я снова бросаю сумку на скамейку и развожу руки в стороны.

– Посмотри на меня! – не прошу брата – требую. – Я свободен! Я волен делать, что хочу! Тогда как ты – продолжаешь второй год строчить дурацкие статейки по указке Моран! Надеешься, что она оценит твои старания? Не отрицай! Наверняка старая жаба всякий раз довольно хлопает тебя по плечу, повторяя, что ты – гордость школы Эллисона и будущее Сэндфилд-Рока! И смеется в спину, зная, что ты продолжишь строчить эти говенные статейки и дальше, даже понимая, что увяз в дерьме! Вместо того, чтобы писать свои истории, как всегда хотел!

Алекс смотрит на меня опешившим взглядом, а я не останавливаюсь. Не сейчас.

– Хочешь узнать, как прошла моя тренировка? Отлично! Я теперь атакующий полузащитник, и через неделю буду в основном составе. Но только если сам захочу! Тренер Херли – серьезный мужик, и пока мне нравится лакросс, я готов играть по его правилам. Вопрос в другом: готов ли Херли в ответ сыграть по моим? – зло ухмыляюсь. – И если нет, то я пошлю его нахер вместе с его командой, школьным комитетом и годовой премией! Потому что я действительно лучший, Ал, и он это знает. А на принципы мне чихать! Я не приемлю все, что связывает руки! Ты говоришь, что Моран считает твои статьи недостаточно толерантными? Алекс, тебя реально расстраивает мнение старой полоумной стервы, не способной мыслить вне системы? – я смеюсь. – Серьезно? Но если так, то заставь ее сожрать свое мнение. Любой ценой! Я бы заставил!

Брат стоит бледнее обычного и уже не пытается мне что-то доказать. Говорит, словно только что догадавшись, хотя давно бы пора.

– Так вот зачем тебе нужны темные закоулки, Картер? Не чтобы прятать, а чтобы извлекать из них подобные аргументы?!

Ну, наконец-то!

– В том числе. Так что не рассказывай мне, каким ты меня видишь. Я никогда – слышишь! – никогда не задам себе вопрос: почему не я!

Сзади подходят Ник с Лукасом и, заметив между мной и братом напряжение, коротко приветствуют Алекса. Он тоже не остается в долгу и сухо кивает парням, сразу теряя к ним интерес. Разговор не окончен, но при Николасе Алекс точно не станет его продолжать. Эти двое еще с детства недолюбливают друг друга, а после того, как Марк Холт привез в Сэндфилд-Рок жену с дочерью, между ними словно черная кошка пробежала.

Я давно догадался, что Ник с трудом переносит сестру, но это не мешает ему каждый раз, встречая ее с Алексом, хмуро оглядываться им вслед и задавать мне тупые вопросы, что у моего брата с его принцессой-бродяжкой. Словно мне есть до этого дело. Правда, свяжись Ник с нашей Викторией, я бы вел себя точно так же, зная, что у него на уме.

В общем, так уж вышло, что даже друзья у нас с Алексом у каждого свои.

Брат продолжает смотреть на меня – одновременно растерянно и сердито, и я сдаюсь. Даю ему понять, что разговор не окончен. Черт! Да и разве можно закончить разговор практически с самим собой?!

– Ладно, остынь, Ал! – хлопаю его по плечу. – Все не так плохо. Хочешь, я помогу тебе справиться с Моран? Только о Тильде забудь, она того не стоит, поверь, здесь старуха права.

– Алекс! – доносится издалека девичий голос, и брат тут же оглядывается. Из-за угла школьного здания выходит группа девчонок, и две из них сворачивают на аллейку, ведущую к нам.

Я сразу замечаю сестру. Сегодня Виктория в короткой юбке и высоких ботинках. Подражая старшеклассницам, с которыми вышла, она жует жвачку и виляет плоской задницей, но окликает и машет брату рукой не она, а ее подруга – наша девчонка-соседка. – Эй, Алекс, я уже освободилась!

Она улыбается, делает в нашу сторону несколько быстрых шагов, но вдруг замечает сначала меня, а затем и Ника с Лукасом, и это ее останавливает. Улыбка тут же исчезает с лица, и она поспешно отводит взгляд. На ней юбка длиной чуть выше острых коленок, и туфли-лодочки без каблуков. Длинные волосы, не такие темные, как у Вик, заплетены в косу и лежат на плече. Невысокая, и в свои почти пятнадцать едва начавшая развиваться угловатая девчонка, она ничем не притягивает взгляд. Странно, что мать считает ее точной копией Адели Холт. По мне, так ей даже до Хлои с подругами далеко, не то что до своей красавицы-матери.

Не дожидаясь, пока кто-то из нас бросит вслух какую-нибудь гадость, Алекс разворачивается, подхватывает со скамейки рюкзак и уходит. Всего на мгновение задержавшись возле Вик, пробежавшей мимо, он как последний придурок замирает напротив Лены Холт. И даже не видя его лица, я могу поклясться, что он глупо улыбается.

Но наконец берет ее за руку и уводит, так и не оглянувшись, а я слышу звонкий голос:

– Привет, Николас! Это я! Эй, Ник, ты чего застыл, как ледышка! Да отомри же! Это же Алекс, он хороший! – Вик смеется, думая, что это весело – вертеться возле старших парней, даже если один из них твой брат, а другой – сосед. – И не надо так смотреть, а то я подумаю, что ты ревнуешь! А такого просто не может быть! Правда, Картер? Ты ведь не ревнуешь меня к Нику?

– Что? – мы одновременно с Холтом поворачиваем голову к моей сестре, и она тут же моргает, как тупая кукла.

– Ну, теоретически! – находит способ выкрутиться, строя глазки моему другу. – Мы с тобой соседи, Ник, и ты всегда к нам приходишь. А там я! И, ну-у, мы тоже могли бы куда-нибудь сходить. Вместе! В кафе к Бобби, например, как Лена и Ал!

Только в четырнадцать лет можно нести подобную чушь в лицо озабоченному подростку, который только и мечтает, чтобы с кем-нибудь перепихнуться. И точно не с такой глупой соплячкой, решившей вдруг, что присутствие старшего брата – это повод развязать язык.

– А вы сейчас домой? – острый нос Вик приподнимается. – Можно с вами?!

Мы и так почти всегда возвращаемся домой вместе, правда, с поправкой – в одном автобусе и с дистанцией в пять метров. Что взбрело в голову сестре сегодня навязаться в компанию, я спрашивать не собираюсь. Вместо этого, сомкнув челюсти, бросаю сердито, вставая между ней и Николасом.

– Вон отсюда, Вик! Стой у остановки и жди автобус!

– Но, Картер…

– Я кому сказал! Нельзя!

– Ты не имеешь права меня прогонять… – начинает она уже не так бойко, но я не Алекс, спорить со мной не выйдет, и голос сестры вздрагивает.

– Вон, я сказал!

– Дурак! – однако Вик уходит, уже не виляя задницей, и пока этого достаточно.

– Холт, только попробуй с этой дурой что-то закрутить… – холодно предупреждаю я Ника, но тот и сам со смешком фыркает:

– Да нужна она мне!

А Лукас, завалившись на скамейку, ржет:

– Твою мать! Как же хорошо, что у меня два брата и ни одной сестры! Не завидую я вам, парни! А что же будет через пару лет, когда они вырастут? Каждому все равно член на узел не завяжешь!

Глава 4

Я не задумываюсь о том, что будет дальше. У меня и своих дел по горло. Но насчет Виктории уже сейчас не обольщаюсь – с мозгами моей сестре не повезло, в отличие от внешности. Потомки ирландцев, индейцев и голландцев – адский коктейль! – мы с братом родились темноволосые, со смуглой кожей и синими глазами, а вот Вик унаследовала жгуче-темные глаза отца и переменчивый характер матери. Так что ей вполне по силам подцепить какого-нибудь идиота даже в четырнадцать, не озаботившись тем, во что это ей выльется.

Однако моей сестре повезло в другом – я знал, как отбить у нее охоту за нами таскаться, пока она не повзрослеет. Мне было плевать на всех остальных, но отнюдь не все равно, что происходит в моей семье и с моими близкими.

Закончить разговор с Алексом получается поздно вечером, когда я возвращаюсь с улицы и вхожу в нашу с братом спальню, включив у двери ночник и сбросив куртку на кресло. Наш дом достаточно просторный, в нем хватает спален, чтобы все трое детей Райтов могли расположиться в отдельных комнатах, но мы с братом всё еще продолжаем жить в одной, в которую нас когда-то принесли младенцами. Такое чувство, что это физическая необходимость – знать, что Алекс рядом. Смотреть на него, узнавая свои черты, и каждый раз убеждаться, что с ним все в порядке.

Постель брата разобрана, но я знаю, что он не спит. Ал в одних боксерах сидит на подоконнике, поставив на него одну ногу, опершись острыми лопатками об откос окна, и смотрит на меня.

Я прохожу мимо и начинаю раздеваться.

– Мотоциклист, который тебя привез – это ведь был Кристиан Палмер? – негромко спрашивает он. – Старший брат Лукаса?

Черт! Я предупреждал Криса, чтобы он вел себя тише, высаживая меня за двадцать метров от дома, но этот придурок любит выделываться, и наверняка до брата донесся звук рычащего двигателя «Crambler», когда Крис сорвался с места и уехал.

– Да. И что?

– Я слышал, у него были проблемы с законом. Сколько ему? Девятнадцать?

– Слушай, Ал, какая разница? Я ему не мамочка, чтобы воспитывать.

Я снимаю кроссовки и расстегиваю ремень на джинсах. Сдергиваю их с себя, отвернувшись к шкафу. Я чертовски устал и не хочу выслушивать Алекса, мне хватило и нотации от родителей.

– От тебя несет сигаретами.

– Отвали! Ты тоже мне не мать!

Но от брата не так-то легко отделаться, и он спускает ноги, выпрямляясь на подоконнике.

– Картер, время – час ночи! Вы запросто могли нарваться на полицейских, и у отца были бы из-за тебя проблемы! Ты несовершеннолетний, и в это время должен находиться дома!

– Брось! – я вскидываю голову и оглядываюсь на Алекса. – Я не дурак, чтобы на таком попасться. У родителей никогда не будет из-за меня проблем, говорил ведь!

Мы ссоримся из-за моего позднего возвращения не первый раз, и Алекс недоверчиво фыркает:

– Я бы на месте отца не был в этом так уверен, зная, что тебе никто не указ.

Здесь он прав, и я невесело усмехаюсь, внезапно подумав о том, что моим родителям следовало вместо двоих зачать одного сына – получился бы отличный результат! А так ничего не поделаешь, придется их огорчать, чтобы отвоевать себе личную территорию и право самому распоряжаться своей жизнью. В конце концов, так и будет.

Я сдергиваю с себя футболку и признаюсь:

– Я наказан, Алекс. И теперь целую неделю только учусь, тренируюсь у Херли и сижу дома по вечерам. Так что спи давай – хватит проповедей! Я и без тебя устал, как черт! Не переживай, сегодня наш старик превзошел сам себя!

Услышав это, Алекс спрыгивает с подоконника и подходит ближе.

– Повернись, Картер, – неожиданно просит, и я напрягаю спину. Отвечаю резко:

– Отвали, сказал!

– А я сказал, повернись!

Я его жилистее и крепче, но он упрямее, и уже через секунду Алекс видит то, что мне хотелось от него скрыть – свежие кровоподтеки на ребрах и ключице. И смазанный след от кольца Рея Уолберга на подбородке, снявший кожу.

– Что… Что случилось?! Картер! – выдыхает Алекс и бледнеет так, словно он в один миг лишился возможности дышать. – Тебя избили?!

– Меня? – я не могу удержаться и смеюсь. Сначала тихо, а затем громче. Этот смех нервный и грубый, и почти сразу же обрывается. Отпихнув брата плечом, я сгребаю грязные вещи в охапку и шагаю к стене, где бросаю их в корзину. – Ложись спать, Ал, – прошу Алекса, доставая из шкафа полотенце, чтобы уйти в душ, – со мной все хорошо. Сегодня после тренировки подрался с Саймоном Адамсом, вот и все! Бывает.

Если бы он мне поверил, все было бы проще. Но он не верит.

– Не ври! В школе на твоем лице ничего не было, я бы заметил!

Я не хочу ему врать, я просто хочу, чтобы он не совал нос в те самые темные углы, о которых я предупреждал. Неужели не ясно?

– Не твое дело!

Алекс не умеет обижаться, мы с ним почти что одно целое, именно поэтому его горькое, но искреннее признание цепляет душу:

– Как бы я хотел знать, Картер, какую жизнь ты ведешь вечерами. И ради чего. Неужели вот эти следы на твоем теле и есть та самая свобода, о которой ты говорил? Вырванная кулаками?!

Я не выдерживаю и ударяю ладонью по стене, только в последний миг сдержавшись, чтобы не сжать пальцы.

Ну, почему мне так сложно с ним говорить? Именно ему все объяснить – почему?.. Каждая клетка моего тела противится тому, чтобы хоть перед кем-то держать ответ.

– Ради всего святого, Алекс! Я не собираюсь спорить и отвечать. Я не собираюсь – мать его! – ничего обсуждать! Я просто другой и устал это повторять! Мне это необходимо, ясно?! Так же остро, как тебе писать! Смирись уже, или я сам свалю отсюда нахрен!

Все, на сегодня я выдохся, и уже собираюсь пройти мимо брата в ванную комнату и как следует шарахнуть дверью, когда этот идиот делает то, что мы никогда не станем демонстрировать на людях.

Он преграждает мне путь и что есть силы обнимает за плечи, прижимая к себе. Выдыхает почти так же яростно, как я:

– Картер, как ты не поймешь? Я не хочу тебя однажды потерять!

Его тепло неожиданно обездвиживает, и я застываю, ощущая прохладную щеку брата на своей, которая все еще горит после драки с Уолбергом.

– Придурок… – шепчу, утратив голос. – Ал… отпусти, – прошу, но сам ничего не делаю, чтобы его оттолкнуть.

– Нет!

– Какой же ты дурак…

– Пообещай, Картер, что будешь дома! Всего неделю! Дай отцу почувствовать, что он важен для тебя! Пожалуйста!

Ответить получается не сразу, зато честно:

– А для кого, Ал, я играю в этот чертов лакросс? Или думаешь, мне больше заняться нечем? Только ему не говори, старик у нас гордый.

– Не скажу!

Когда мы уже лежим в своих постелях, ночник погашен, а вечерний бриз с океана, залетая в открытую фрамугу окна, колышет жалюзи, Алекс внезапно мне признается:

– Знаешь, Картер, а ведь ты был прав сегодня.

– Когда это?

– На школьной парковке, когда сказал, что я размазня, потому что никак не решусь поцеловать Лену.

– Я не так сказал, не сочиняй.

– Но подумал. Не важно! Ты был прав. Я уже давно хотел это сделать, но не мог решиться.

– И?

– Думаю, что я люблю ее.

Ого! Неслабое признание. Оно сваливается на меня, как куль с мукой, и я присвистываю. Смотрю на брата, закидывая руки за голову:

– Охренеть! Да ты спятил, чувак!

Алекс в ответ молчит, и я даю ему шанс.

– А может, тебе только кажется?

– Нет, – он уверенно отвечает. – Давно уже. Я чувствую.

Мне смешно. Время сопливых Ромео кануло в лету еще с того момента, как Хью Хефнер распродал первый тираж «Плейбоя», обоих Кеннеди уличили в измене, а человечество догадалось снимать порно. Какая к чертям любовь?!

– Знаешь, – отвечаю брату, – когда в седьмом классе Бриджит Доу дала мне подержаться за ее грудь, я такое почувствовал… Пока два раза не спустил в туалете, не мог успокоиться!

Алекс со смехом стонет. Привстав на локте, с силой запускает в меня подушкой.

– О, Господи, Картер, заткнись! – просит. – Ну, почему ты хоть иногда не можешь быть серьезным!

Я могу, и еще как, но только не тогда, когда родной брат несет подобную чушь!

– Потому что от твоих признаний, Ал, меня сейчас стошнит! Ты еще не был ни с одной девчонкой, да что ты можешь знать о любви? Это же так очевидно!

– А ты?

Алекс возвращает мне вопрос, а я ему – подушку. Приваливаюсь голой спиной к стене и предупреждаю, наставив палец:

– Вот даже не начинай забивать мне баки подобной хренью! И не подумаю отвечать!

Но Алекс не был бы сам собой, если бы тоже не сел в постели и не добавил упрямо:

– Но это правда! Это по-настоящему, понимаешь? Лена добрая, умная и очень красивая девушка! – Он на секунду пытается спрятать слова за смущенной заминкой, но желание сказать побеждает: – И она тоже меня любит.

Этот день просто достал отстойными сюрпризами, и я с сомнением фыркаю:

– Девчонка, как девчонка. Две руки, две ноги… задница! Хм, по идее, уже должна быть, правда, я не заметил.

– Картер, если ты не заткнешься, я обижусь! – сердито обещает Алекс, и я сдаюсь:

– Ладно, успокойся!

Я встаю с кровати, подхожу к окну и убираю жалюзи. Усевшись на подоконник так же, как еще недавно брат, достаю из тайника под ним пачку сигарет, зажигалку и закуриваю. Затягиваюсь, выпуская дым в открытую створку.

– Так я не понял, Алекс, – спрашиваю. – Ты ее все-таки поцеловал, своего Трескунка? Или снова мялся, как дурак?

– Нет, не мялся. Все получилось само собой. Картер?

– Что?

На улице темная ночь и лишь горит фонарь у дома Холтов. В окне девчонки на втором этаже тускло светится ночник, и я вдруг думаю, как долго в это окно смотрел Алекс, прежде чем я пришел.

– Мне кажется, я буду любить Лену всегда. Мне больше никто не нужен.

Это признание звучит негромко, и то ли ночь виновата и усталость, а то ли искренность в голосе брата, но я наконец понимаю, как именно звучит чувство, облаченное в звуки и рожденное сердцем. И больше не хочу смеяться. В этих звуках, повисших в комнате, я вдруг ощущаю себя незнакомцем, случайно оказавшемся в мире, о существовании которого даже не догадывался.

Слова иногда ничего не значат, распадаются фоновым крошевом в воздухе и уносятся с ветром, не оставив следа. А иногда их вес так ощутим, что собственная жизнь в сравнении с ними кажется блеклой точкой, затерявшейся в наслоении шелухи. Смети ее, и ничего не останется.

Конечно, я говорю Алексу глупость – на другое я сейчас не способен. Только криво улыбнуться перекошенным ртом и сузить глаза от попавшего в них дыма:

– Ну, и как ты эту гребаную любовь чувствуешь, Ал? Каким местом? Хочется посмотреть, что у Трескунка под юбкой?

Он не обижается, хотя я этого жду. Мне этого хочется, и знать бы еще, почему! Но вместо обиды, Алекс поднимается с кровати, включает светильник и подходит к столу. Открыв верхний ящик, достает оттуда свой дневник и раскрывает его. Показывает мне.

Этот дневник – очень личное, я никогда не заглядывал в него прежде, но сейчас вижу между исписанных страниц алое перо красного кардинала.

– Одно перо мы поймали с Леной в нашу первую встречу. А второе – сегодня под Белым дубом, и я ее поцеловал. Вот так, Картер, я чувствую любовь. Как это перо в моем дневнике, понимаешь?

И пока я ошарашенно на это смотрю, Алекс закрывает дневник и прячет назад в стол. Улыбается мне, смущенно зарыв пальцы в волосы – еще живой, настоящий, и счастливый. В эту глухую ночь в нашей спальне осветленный чувством, способным из любой щели прогнать темноту.

Пройдут годы, но я навсегда запомню его таким.

– И что ты теперь скажешь, брат? – спрашивает меня, всматриваясь в мои глаза, словно надеется увидеть в них понимание. Отражение переполняющих его эмоций и самого себя – для нас всегда это было важно. Но, к сожалению, я не могу ему этого дать.

Мне нечего сказать. Я качаю головой и сминаю сигарету прямо о подоконник.

– Господи, Ал, ну и дерьмо!

Глава 5

Картер

Спустя год

Старшая школа

Пятница. Сентябрь. Пять часов по полудню.

Я знаю это потому, что все время смотрю на часы, на которых бегут секунды, почесывая ногтем большого пальца сухие губы.

Солнце жарит так нещадно, что кажется пни каблуком иссушенный добела гравий, и он рассыплется в пыль.

В небе не видно птиц. Листва на вязах повисла ошметками, но в тени дырявого навеса старого склада за гаражом отца Лукаса, где мы собрались, дышать почти сносно, и ноздри напряженно втягивают жаркий ад дня.

– Как думаешь, Картер, у них получится? У Криса и парней? Все-таки этот жирдяй Хиггинс хитрая тварь. Крис уверен, что в прошлом он наверняка уже проворачивал подобное, иначе бы не действовал в городе так нагло. А ты как считаешь?

Глаза Лукаса лихорадочно блестят и пот, выступивший на висках, говорит куда красноречивее самого вопроса. Я поворачиваю голову и смотрю на друга.

– Получится, Палмер. Но я все равно считаю, что они идиоты.

– Почему? – возражает друг. – Разве он не заслужил, этот Хиггинс? Ты слышал, что мужика, который продал ему бар на Мелборн-Лейн два года назад, прошлой весной нашли мертвым в Рваной лощине у Кораллового холма?.. Так вот, этот мужик сам согласился на сделку с Хиггинсом и все подписал, тут не подкопаться. Странно другое: зачем ему понадобилось вдруг продавать бар, который процветал, да еще за четверть цены, а?

Я пожимаю плечами, раздумывая:

– Да мало ли причин? Долговые обязательства, семейные обстоятельства, а может, ему просто надоело. Такое тоже бывает.

– Ну да, как же! – громко хмыкает Лукас. – А через год в ливень он умудрился оказаться в месте, где через каждые три метра из земли торчит предупреждающая табличка «Опасно», и сломать себе шею! Очень удобно. Какого черта он вообще там делал?

– Это Америка, Палмер. Здесь каждый сам себе хозяин. Если тебе ночью вздумается достать из штанов член и отлить с края обрыва, никто не вправе помешать. А если ты при этом поскользнулся – ну, что ж, твои проблемы.

Лукас возмущенно поднимает широкие брови.

– Я не пойму, Картер… Ты что ему, адвокат?

Я чиркаю зажигалкой и прикуриваю сигарету. Наполнив легкие, медленно выпускаю дым.

– Я просто пытаюсь думать, как мыслит Хиггинс, и как следует мыслить твоему брату. Нет мотива, нет связи, а значит, нет и преступления. А ты, Палмер, договаривай, раз уж начал.

– Ходят слухи, что тот мужик, Рон Нойлз, бывший хозяин бара, нарыл на жирдяя что-то крупное, за это и поплатился.

Имя кажется мне смутно знакомым, и я вспоминаю.

– Постой… Нойлз… Бетти Нойлз, верно? Выпустилась из школы в прошлом году. Была в группе поддержки и, кажется, одно время крутила с Крисом. Она дочь этого Рона?

Лукас сразу поджимает губы и отводит глаза.

– Ну, да. Ей понадобились деньги – Бэт хочет уехать в Огайо, у нее там тетка. Так что угнать у Хиггинса новую тачку за пятьдесят штук – это, мать его, справедливо!

Мать его, да! Еще как да! Но меня изумляет другое.

– Вы идиоты! – сухо бросаю я, и говорю это другу совершенно искренне.

– Почему это? – удивляется тот.

– Потому что для вас это слишком! Потому что у этого Хиггинса наверняка есть прикрытие в полиции, иначе бы он так не наглел, но главное – есть мозги! И если он начнёт рыть, девчонка проговориться!

Но Лукас уверено мотает головой.

– Нет, Бэт будет молчать, она его ненавидит. Они с матерью все деньги спустили на юристов, но зато теперь у них есть постановление окружного судьи. За публичные угрозы в их адрес Роакину Хиггинсу запрещено приближаться к ним меньше, чем на сто метров. А нашей семье нужны деньги, Картер – сам знаешь.

– Сколько?

– Половина с десяти штук.

Негусто. Да какой там! Неоправданно мало за такой риск!

– Ты понимаешь, что если Крис не справится и фургон не уйдет в Роли самое позднее завтра утром – вашу семью уже не спасут пять тысяч долларов?

Лукас кивает:

– Знаю.

– Держи язык за зубами, и больше не трепись никому. Черт!

– Да я никому, Райт! Знаете только вы с Холтом! Я даже Питеру ничего не сказал! – взволнованно божится Палмер. – Этот Рыжий за хот-дог мать родную продаст! Я что, дурак?

– Двое – это уже много.

– Да ладно, Картер! Я тебе доверяю! Я только боюсь, чтобы Уолберг не сболтнул лишнего о нашем гараже, когда станет горячо.

– Не сболтнет, придется с ним поговорить. Пусть только попробует, я никому ничего не забываю.

И я не вру, память у меня отменная, именно поэтому Лукас кивает.

Мы сидим с ним у задних дверей склада, на перевернутом ящике с надписью «Rochester», между пустыми баками из-под краски, и слушаем, как в предвечерней тишине сразу за ржавой стеной размерено скрипит диван. Тах. Тах. Тах.

Сегодня пятница, и в это время гараж Палмеров уже закрыт. Зато через две улицы открыт бар «Сотая заводь», где отец Лукаса, бывший вояка, а сейчас так себе механик, привычно надирается спиртным с обеда.

Мы тут одни.

Лукас, Ник, я и Тильда.

За открытой дверью скрипит матрас, глухо ударяется о стену деревянный остов продавленного дивана и частит чужое дыхание… Мы слышим, как Тильда смехом останавливает пыхтение Ника, просит дать ей прикурить сигарету и не мять ее грудь так сильно, словно он трахает девчонку в первый раз.

После длинной паузы, в течение которой у Лукаса судорожно ходит кадык, она разрешает Холту продолжить.

Когда Лукас уходит, а на его место садится Николас, он забирает из моих пальцев остаток сигареты и кивает на дверь:

– Надоела! Надо будет ей сказать, чтобы больше сюда не приходила. Терпеть не могу шлюх!

Но, судя по тому, как долго Ник не слезал с Тильды – на правду это не похоже. Хотя, может, действительно не заводит?

Я с ухмылкой бросаю на него короткий взгляд и вновь возвращаю его к дальнему концу двора, туда, где поверх забора виднеется открытый участок дороги.

– А мне кажется, Холт, ты просто терпеть не можешь быть вторым. Но я не виноват, друг, что больше нравлюсь девчонкам. Не эта, так другая – какая разница?

Ник смеется – так, что дым клочками вырывается из легких, и откидывает плечи на кирпичную стену.

– Пошел ты, Райт! – толкает меня локтем в бок. – Порой я жалею, что ты так хорошо меня знаешь! Вот потому я, в отличие от тебя, и завожу себе постоянных подружек – чтобы быть у них первым.

– Ну и как? Не разочаровывают?

Светлые глаза Холта довольно щурятся.

– Иногда мне везет!

Во двор со стороны внутренней части дома заходит парнишка лет четырнадцати – Мэтью Палмер, младший из братьев, и неприветливо косится в нашу сторону. Я давно подозреваю, что из всей троицы он самый смышленый, и знаю, что сейчас ему здесь точно делать нечего.

– Где Лукас? – обращается к нам Мэт через губу. – Там тренер Херли звонит! Говорит, что у вас завтра первая тренировка, и он хочет всех видеть!

Пацан продолжает стоять и таращиться. Я поднимаю у своих кроссовок крупный кусок гравия и метко запускаю ему под ноги.

– А ну брысь отсюда! Учись сам отвечать!

Он не отступает, и второй кусок гравия прилетает уже ему в голень, вызвав вскрик.

– Я кому сказал, исчезни, сопляк!

Мэт убирается, но прежде, чем уйти, смело показывает нам «фак», и то, что я вижу при этом в его глазах, мне нравится.

– Этот младший Палмер когда-нибудь нарвется! – сердится Ник. – Ему же ясно было сказано: сиди дома! Какого хрена вылез? Клянусь, Картер, если Лукасу плевать, то в следующий раз я сам ему этот «фак» в задницу засуну! Я не стану терпеть, чтобы всякие молокососы мне им в лицо тыкали!

– Остынь, Ник.

Но друг вскакивает на ноги и орет вслед пацану:

– Ты слышал, ушлёпок! Еще хоть раз увижу, будешь обрубком в носу ковырять!

Я дергаю друга за футболку, и он снова падает рядом на ящик.

– Достал… – продолжает злобно шипеть.

– Оставь его, Холт! – я повышаю голос. – Это не любопытство, а чувство опасности выгнало его сюда. Ему не все нравится! Хоть один Палмер с головой!

– И что? – дергает плечами Николас. – Кто его спрашивает?

– Никто. Но возможно, что именно он когда-нибудь выберется из того дерьма, в которое его сначала засунул папаша, а теперь сует Крис! Ты же не думаешь, что Мэт сегодня будет спать?

На дороге мелькает полицейский патруль, и я встаю. Говорю громче, обращаясь к друзьям:

– Кончай там уже, Лу! Ник! Нам пора!

Мы входим с Холтом в дверь гаража и проходим мимо барахтающейся парочки через боковой бокс в основной, в котором стоит л «Додж» с разбитой фарой и глубокой вмятиной на крыле, к внешнему выходу. Выйдя на улицу, поджидаем Лукаса и Тильду возле наших с Ником мотоциклов.

Лукас сильно похож на брата – тот же рост, темные кудрявые волосы и черные круглые глаза. Он намного худощавее Кристиана, но в широкой кожаной куртке это не так заметно. К тому же в сентябре вечереет уже раньше, и я надеюсь, что недостаток сходства получится скрыть. Тому, кто случайно запомнит его имя, в будущем будет сложно отличить братьев друг от друга даже под присягой, и мне это кажется хорошим выходом, чтобы хоть как-то прикрыть старшему Палмеру зад, раз уж он сам до этого не додумался.

Когда наконец из гаража появляются Лукас и Тильда, я объясняю задачу блондинке. Несмотря на продажную натуру, мозги у девчонки есть, и зубы тоже.

– Детка, сейчас проедемся по Сэндфилд-Року и заглянем в пару людных мест. Тебе придется висеть на Лукасе пиявкой и называть его Крисом столько раз, пока он не оглохнет и сам в это не поверит. Все поняла?

Она одергивает на бедрах короткое платье и поправляет светлые, крашеные волосы, которые сбились на затылке. Улыбается с вызовом, коснувшись кончиком языка края лукавых губ.

– А на тебе нельзя повисеть, красавчик? Я бы не отказалась.

Я беру переброшенную через сидение мотоцикла короткую кожаную куртку и надеваю на себя. Достаю из кармана джинсов ключи и вставляю их в замок

зажигания.

– Нет. Ненавижу объятия, они меня душат.

Тильда отпускает смешок и вдруг замечает, скользнув взглядом по моему паху:

– Я об этом догадалась, Райт. И хоть сегодня ты меня не захотел, но я еще помню, как именно ты предпочитаешь заниматься любовью.

Она не успевает договорить, последнее слово все еще висит в воздухе, а холод уже сковывает мою грудь и сдавливает горло.

Меня коробит от всего, что может быть связано с этим гребаным чувством, но больше – от хитрого выражения лица блондинки, которая, похоже, забыла с кем имеет дело.

Резко схватив пальцами слабое запястье, я дергаю ее на себя, сжимая челюсти.

Тильде правильно кажется, что она сказала что-то не то, и девчонка бледнеет.

– К-картер, прости! – лепечет тем тише, чем ближе оказываются мои глаза. – Я не хотела…

– Тогда заткнись, Стронг! И лучше сама! Если не хочешь, чтобы я тебе помог!

Парни уже завели свои мотоциклы и ждут нас. Я отталкиваю Тильду, надеваю шлем и сажусь на свой черный «Ducati». Столкнув его с подножки, завожу мотор и коротко киваю девчонке в сторону Палмера.

– Чего ждешь? Садись к Крису, вечер будет длинный! И пока не разрешу, о Лукасе забудь!

– О! – быстро соображает Тильда, вновь показав зубы. – Поняла!

– Лукас?

– Да? – откликается друг, передавая второй шлем блондинке.

– Тебе придется поговорить с Мэтью – сегодня ты остался с ним дома. И хоть сдохни ночью, а завтра утром ты должен быть на тренировке у Херли.

– Это все, Райт? – улыбается друг.

– Нет, есть еще кое-что. Когда вернешься, передай Кристиану, что он чертов тупой ублюдок!

Мы проезжаем мимо управления полиции и сигналим двум копам, патрулирующим участок. Отираемся у пляжа, где все еще много людей; заезжаем в дорожную забегаловку, в которую раньше не заглядывали, и довольно шумно, но мирно себя ведем.

Тильда с Лукасом изображают влюбленную парочку, и девчонке шикарно дается импровизация, когда она вдруг ревнует «Криса» к одной из официанток и закатывает ему ссору со слезами…

Уже поздним вечером мы вчетвером приезжаем на Утёс – есть в Сэндфилд-Роке такое место на скале, обращенное к океану, куда подступает лес и где любит собираться молодежь, если хочет оказаться подальше от любопытных глаз. Встаем полукругом в свете фар и глушим двигатели.

Сегодня здесь собралась компания Рэя Уолберга, вокруг стоят тачки и мотоциклы, недалеко от обрыва горит костер и движутся под музыку силуэты – вечеринка в самом разгаре, и из блютусных колонок в два горла орет «Rammstein».

Эти ребята постарше нас, но мы все родились в этом городе и давно с Рэем знакомы, так что какая-то парочка продолжает заниматься сексом на одном из капотов, не обращая на нас внимания. А сам он целуется с длинноволосой девчонкой, сжимая одной рукой банку с пивом, а другой ее задницу.

Наконец он отрывается от своего занятия и приветствует нас взмахом руки, щедро глотнув выпивку из горла.

– Здорово, Райт! Что, решил проветриться? Не далеко ли забрался?

Чтобы не перекрикивать музыку, мне приходится подойти ближе и пожать парню руку.

– Привет, Уолберг! Типа того.

– Ты что-то здесь забыл?

Я смотрю на его девчонку, и он крепким шлепком пониже спины отправляет ее к костру.

– Джулия, малышка, иди погуляй! Я сейчас!

На крупном лице Рэя появляется кривая улыбка, и я отвечаю ему тем же. Наверняка он заметил брата Кристиана, с которым не очень ладит, и догадался, что мы здесь не просто так.

Я сую руки в карманы куртки и пожимаю плечами:

– Возможно. Как насчет крепкого косяка? Говорят, ты сейчас мастер самокруток и скупил в городе всю папиросную бумагу. Вот я и решил спросить, так ли это?

– Кто говорит?

Мне незачем ходить вокруг да около, я давно предполагал, что Рэй не только сам курит травку, но и сбывает её, поэтому криво улыбаюсь.

– Я.

Мы стоим вдвоем, Ник с Лукасом остались позади, и смотрим друг на друга.

Через минуту я считаю нужным добавить:

– У меня в карманах полно сюрпризов, Рэй, тебе не понравится.

Ему уже не нравится, но он достаточно хорошо меня знает, чтобы нервничать. Случись что, я бы не стал предупреждать, и он тоже.

– Главный твой сюрприз, парень – это отмороженные мозги! – замечает вполне серьезно. – Я бы не удивился, если бы узнал, что ты прожил одну жизнь за две. Хочешь поговорить по теме?

– Нет, – я качаю головой, – мне это не интересно. Всего лишь убедиться, что мы понимаем друг друга.

– Тогда лучше поздравь меня, Райт! – снова улыбается Уолберг. – У меня сегодня день рождения!

Пару минут назад он отправил длинноволосую подругу к костру, но она явно по нему тоскует и вертится поблизости. Я киваю подбородком в ее сторону.

– Поздравляю, Рей! Вижу, ты уже отметил?

Он тоже замечает ее взгляд и смеется:

– О, нет! Ночь только началась, парень! Так что будь добр, не тяни!

Когда я возвращаюсь к друзьям, Тильды с ними уже нет, ее смех доносится из темноты вместе с мужским, и я говорю Лукасу:

– Все нормально, Палмер. Уолберг не станет о вас трепаться. Возвращайся домой и молись, чтобы Крису все сошло с рук.

– А ты?

– Я остаюсь.

– Я тоже, – кивает рядом Холт, и я этому скорее рад. Чем ближе подступает ночь, тем сильнее накатывает горечь и боль, которую я стремлюсь в себе задушить, и ему это известно.

Через пару часов мы с Николасом все еще на Утесе. Проводим время в компании Рэя и его друзей, заглушая адреналин в крови алкоголем и танцами у костра.

В наших головах шумит хмель, по голым шеям стекает пот, я прижимаю к своему боку какую-то девчонку-латинос, с которой только что был, и слышу, как Ник пьяно признается, отпихивая ее прочь и крепко обхватывая меня рукой за плечи:

– Я люблю тебя, парень, хоть ты и придурок! И Лукаса тоже! Но если он еще раз втянет нас в подобное дерьмо, клянусь, я первый съезжу ему по роже! Ну, давай, – требует, – скажи, что ты мне тоже, как брат! Скажи, Картер!

С Лукасом мы друзья, а вот с Николасом гораздо ближе. Мы росли вместе, наши отцы компаньоны и нет такого секрета, который бы мы не знали друг о друге. Но когда он в нахлынувшей эйфории треплет мои волосы, я не уверен, что он не успел вдохнул травки – глаза у Ника странно блестят. Однако я сейчас и сам изрядно пьян, чтобы это понять.

Ник задирается ко мне, я шутя даю ему сдачи, и мы оба со смехом валимся в траву под оглушающие звуки рока, в которых я вдруг разбираю слова песни Энди Блэка «Это мое Воскрешение» и застываю, услышав знакомый голос…

– Картер, сейчас же иди домой! Тебе пора! Ты уже изрядно нализался, а если учесть, что тебе нет восемнадцати… Чувак, это слишком!

Нет, я обманул. Один секрет от Ника у меня все-таки есть.

Алекс. Снова он. Пришел за мной – сраная паинька. Такой же правильный и вышколенный, каким я его помню.

Я пьян и натянут, как струна. И волна куража шибает меня, сжимая пальцы в кулак. Этим кулаком, вскочив на ноги, я разрезаю воздух перед собой, пытаясь достать Алекса.

Это не первый мой алкоголь и не первая сигарета. Она падает и гаснет, и я пинаю ее носком кроссовка, достаточно крепким, чтобы врезать кому-нибудь по

яйцам. Чтобы как следует наподдать.

Так мне кажется. И так есть на самом деле.

– На хер иди! – я подаюсь вперед, но спотыкаюсь и ударяюсь плечом о чью-то тачку. Матерюсь, оборачиваясь. – Да пошел ты! – ору, пытаясь схватить Алекса, но оседаю задницей на пол, и слышу в ответ «Заткнись!».

Плевать! Я запускаю в него пустой бутылкой и снова посылаю подальше. Алекс умер, а я жив, и мне решать, заткнуться или орать во всю глотку.

– Эй, чувак! Ты кому это? – Ник ловит меня за ворот футболки и швыряет на землю. Навалившись сбоку, заключает в захват. – Ты перебрал, придурок, успокойся!

Но где там. Музыка в колонках стихает, и все оборачиваются в нашу сторону. Сдвигаются ближе, отчего ночной воздух, разгоряченный жаром потных тел и дымом костра, становится плотнее.

Здесь все любят зрелища, и кто-то из парней громко смеется, называя меня «Психом». Но уже через пару мгновений, в которые я успеваю сбросить с себя Ника и оказаться на ногах, захлебывается стоном, согнувшись пополам.

Даже пьяный я сильнее и быстрее каждого из них, и готов доказать это столько раз, сколько потребуется.

«Картер, остановись… Картер!»

– Алекс?!

Я готов поклясться, что вижу его – своего брата. Он стоит у края обрыва, на границе света и темноты, в джинсах, майке и расстегнутой рубашке, у которой подогнут воротник. Его темные волосы над чистым лбом взъерошены, губы приоткрыты, словно он еще не закончил разговор, а в синих глазах горит прежний свет надежды – мальчишка-мечтатель с легкой улыбкой, от которой в моей темной душе всегда отступали тени.

Алекс.

Даже мертвый, он продолжает верить в меня и видеть другим. Отличным от этой паршивой своры молодой дряни, окружившей нас, и мне никогда не узнать ответ: «Почему?»

«Почему не я, Ал?»

Однажды я пообещал тебе, что никогда не задам себе этот вопрос. Но я соврал. С тех пор, как ты погиб, я задаю его себе каждый день. Каждую долбанную секунду, в которую остаюсь наедине с собой и своим отражением, я спрашиваю себя: «Почему?!». И это разбивает сердце.

«В ту неделю моего наказания я сдержал обещание, как ты просил. Я пришел домой под утро лишь на следующую ночь, и это не оказалось сюрпризом для отца. Его старший сын всегда жил по своим правилам, и он был вынужден начать с этим считаться, как я и рассчитывал. Но ты – нет. Ты всегда был упрямым.

Мы стояли с тобой на углу Четвертой улицы и сквера, в котором столько раз играли в детстве, неожиданно столкнувшись здесь нос к носу ранним вечером – такие одинаковые и вместе с тем разные, и спорили. Спорили, мать твою, о том, что в последнюю минуту нашей общей жизни не имело никакого смысла!.. А в это время сорокалетний Билли Боуэн уже вел свой грузовик по Майл-роуд и орал песню: «Горячая девчонка, подмигни мне! Не видишь, мне нужна передышка!» – так он потом расскажет… Когда что-то пошло не так.

Сначала громкий хлопок, поворот, резкий удар по тормозам, и когда Билли понял, что разорвалось переднее колесо и попытался что-то сделать, груженый автомобиль уже потащило юзом к обочине.

Никто не виноват. Несчастный случай. Позже адвокаты компании-перевозчика смогут это доказать.

Но тогда я его не видел – грузовик. Я стоял спиной к дороге и орал на тебя, но ты заметил.

В тот момент, когда нас оглушил визг тормозов, ты налетел на меня, оттолкнул прочь, а сам…

Клянусь, мне показалось, что я успел поймать твои руки. Они были так близко и пальцы уже коснулись моих… И если бы я не падал, я бы смог тебя вытащить, Ал. Смог! Но все решило мгновение.

Тебя смяли, брат, как фольговый пакет из-под чипсов. Хлоп! Шмяк! И тебя не стало.

Только кровавый след на дороге… и темнеющий горизонт перед глазами, расколовшийся надвое.

Сука! Алекс, я тебя ненавижу! За то, что ты сделал с собой! За то, что сделал со мной!

За то, что пока я не сдохну, я буду жить со знанием – там должен был погибнуть не ты. Я!

Как ты там сказал? В ту нашу ночь откровенного разговора, когда плёл мне рассказ о своей любви? Что тебе больше никто не нужен, кроме нашей девчонки-соседки?.

Так какого же черта, Ал, ты сделал выбор?! Какого дьявола позволил себе умереть?! Дурак! Почему не подумал, как без тебя буду я?!..

Я никогда тебя не прощу. Никогда!

И не дам уйти.

Одна душа на двоих, помнишь? Моя в тот день надорвалась у корня и больше не смогла прирасти.

Пусть я ору на тебя, но ты все еще здесь, потому что нужен мне. Как воздух.

О, нет, я не готов тебя отпустить, слышишь?! Нет!

Я стою на Утесе среди людей-шелухи, потный и грязный от следов чужих рук и крови на сжатом кулаке, натянутый злой тетивой, и понимаю: ты был лучше каждого из нас. Так почему ты, а не я, Ал? Почему?! Кто в этом долбанном мире отвечает за справедливость?!

Я смотрю на тебя, словно живого, и во мне нарастает крик. Он вырывается из каждой клеточки тела колючими крупицами, вспарывает вены острыми лезвиями и расширяется в груди огненным комком боли… Мое сердце рвется на куски. Снова.

Когда-нибудь оно порвется, и я отпущу тебя, чтобы самому низвергнуться в ад. Но не сейчас. Не сейчас, Ал!

– Картер, нет!

Ты выставляешь перед собой руки, но я уже мчусь вперед, сорвавшись с места. Сдираю с себя футболку и кидаюсь с обрыва в черную пропасть… Туда, где в темноте под нами шумит океан. Чтобы потушить эту вспышку боли, с которой не могу справиться.

Чтобы стать к тебе ближе.

Хоть на секунду.

Упав в холодную воду, кричу сначала душой, а потом горлом. Бросаюсь в высокие волны снова и снова, широкими гребками рук забираюсь вперед, пока не остается ни голоса, ни сил, и пока волны не вышвыривают меня на берег.

Глава 6

Лена

– Лена, тебе пора, скоро автобус! Вот твой школьный обед! И, пожалуйста, в этот раз не забудь его съесть, дочка. Ты и так светишься, я переживаю, а после музыкального класса вернешься позже обычного.

– Спасибо, мам! Я постараюсь.

– А вот и твой обед, Николас! Здесь сэндвич с запечённой индейкой, как ты любишь. Кстати, Марк просил тебе передать, чтобы после школы ты заехал к нему на работу.

– Ладно, заеду.

– И еще кое-что просил сказать – то, что тебе не понравится. Он забрал ключи от твоего мотоцикла. На этот раз всерьез.

Мы все стоим на кухне у барной стойки, на которой лежат сложенные мамой в бумажные пакеты ланч-бэги – для меня и для Ника, и собираемся уходить. Во всяком случае, я уже допила свой сок и съела печенье, однако Ник встал так, опершись рукой о спинку моего стула, что его не обойти, и мне приходится молча ждать, пока он не уйдет первым.

Мама не успевает договорить, как Николас возмущается:

– Как?! Почему это?

– Потому что у тебя есть «Шевроле», парень, и потому что в субботу ты вернулся домой поздно ночью весь пропахший алкоголем. Все снова повторилось, Ники, – она невозмутимо пододвигает к нему обед, – хотя ты обещал нам быть ответственным. Эти ночные прогулки неизвестно с кем однажды могут для тебя плохо закончиться.

За последний год Николас вырос и раздался в плечах, став очень похожим на своего отца в молодости. Типичный Холт – такой же светловолосый, сероглазый и надменный. Я знаю, что ему не нравится спорить с мачехой, но у него нет выбора. Я сама поражаюсь, как у мамы, невысокой и хрупкой женщины, получается разговаривать со взрослым парнем, спокойно глядя на него снизу-вверх.

– Брось, Адели! – недовольно хмыкает Ник. – Тебе не идет роль строгой мамочки! Какое тебе дело до моей жизни? Мне уже есть восемнадцать!

– И что?

– А то! Я вам не Бобик, чтобы сидеть на коротком поводке! Это ты все рассказала отцу? Вечно караулишь по дому!

– Я, – и не думает отрицать мама. – Но ты не договорил, Ники. Что у тебя есть еще, кроме твоих лет? Работа? Квартира? А может, банковский счет?! С чего ты вдруг раздухарился?

– А у тебя? – едко замечает он и, если бы я не знала свою маму, я бы ахнула от возмущения, но я ее знаю – вот в чем дело. Ее никогда не прельщало богатство. И она с тонкой улыбкой приподнимает красивую бровь.

– А у меня, дорогой мой, нравится тебе или нет, есть законное право всем этим пользоваться. Я разговаривала с твоей мамой, Ники, и сообщила ей.

– Черт! Да мне все равно!

– Тогда все вопросы задай своему отцу, а не мне. А сейчас, пожалуйста, дай Лене пройти, она может опоздать на автобус!

Николас хватает со стойки свой обед и уходит, демонстративно громыхнув стулом и входной дверью. Я смотрю на часы и тоже спешу спрятать бумажный пакет в рюкзак. Надеваю в прихожей кофту и туфли-лодочки. Целую маму, собираясь выходить. Еще немного тяну время в надежде, что Ник успеет уехать к тому моменту, когда я окажусь на улице.

– Трескунок, хочешь, я попрошу Николаса тебя подвести?

– Нет! – я решительно мотаю головой. – Я лучше сама, мам, как раньше.

И это правда. Я не хочу, чтобы Ник меня подвозил. Чтобы он вообще был рядом. Я никому не говорю, но избегаю своего сводного брата не первый день и даже не первый год. Для всех соседей по-прежнему остается секретом, что мы не

родные по отцу, но уже давно не для нас.

Я была бы счастлива, если бы Николас оставил меня в покое и больше не замечал, как сам много раз обещал, но ему нравится со мной играть. Как жаль, что никто не знает его настоящим.

Я выхожу из дома и иду по короткой аллейке к дороге. Из своего дома напротив выходит Виктория и, заметив меня, машет мне рукой, спускаясь с широкого крыльца. Сегодня обычный осенний день, и я уже готова махнуть однокласснице в ответ, когда вдруг замечаю за спиной девушки ее брата. Картера.

На нем темная толстовка с капюшоном, спортивная сумка переброшена через плечо, а руки засунуты в карманы джинсов. Он спускается по ступенькам вслед за сестрой, идет к дороге и вроде бы ничего необычного в этом нет, если забыть, что вот уже год, как он перестал ездить в школьном автобусе, и что стрижка Картера Райта всегда в полном порядке.

Но не сегодня.

Сегодня его волосы всклокочены, длинную челку треплет ветер, обещая скорый дождь, а взгляд направлен под ноги. Заметив его, я вдруг на долгую секунду замираю, словно вижу перед собой Алекса – живого, лишь на год повзрослевшего, задумавшегося о чем-то. И это видение почти ошеломляет, до того правдивым кажется.

Вот сейчас он увидит меня, его глаза счастливо распахнутся и в который раз удивят глубокой синевой. А на красивом лице появится знакомая улыбка с ямочками.

«Привет, Лена!

– Привет, Алекс!

– Я так рад тебя видеть! – он никогда не смущался, когда говорил о том, что чувствует, и это совершенно обезоруживало и влекло к нему.

– И я!»

Райт подходит ближе, и в душе шевелится робкая, сумасшедшая надежда. Пожалуйста, пусть это будет Алекс! Хоть бы на одно мгновение все вернуть!

Но вместо теплого синего взгляда меня обжигает холод жестких глаз – колючих и темных.

– Рот закрой, Холт, и не пялься! Я тебе не разрешал!

…и надежда тут же рассеивается, оставляя после себя в груди щемящую, колкую тоску.

Наверное, она никогда не пройдет, так же, как и неверие, что Алекса Райта больше нет.

На дороге появляется школьный автобус, и мы все садимся в него. Сначала Картер, а затем и мы с Вик. Оказавшись у окна, Виктория оборачивается вслед брату, направившемуся в конец салона, и недовольно морщит вздернутый кончик носа.

– Не обращай внимания, Лена, он со всеми девчонками так себя ведет. Терпит только тех, кто позволяет ему залезть под юбку, и то недолго!

– Он меня ненавидит, – замечаю я. – Не знаю, почему.

– Картер никого не любит, я же говорила! – легко хмыкает Вик. – Иногда мне кажется, что он и меня едва выносит. Лучше расскажи, как там мой Николас?! – счастливо замирает она на вдохе. – Твоя мама передала ему пирог? Если бы Картер узнал, что я полвечера проторчала на кухне ради его друга, он бы меня убил!

Темно-карие глаза Виктории загораются интересом, и она сама не замечает, как поворачивается ко мне и обхватывает ладонями мою руку.

– Лена, пожалуйста, скажи, что Ник обо мне спрашивал! – просит. – Ну, пожалуйста!

Мне не хочется обманывать подругу. Пусть мы с ней и не очень близки, но много лет ходим в один класс, и я давно догадалась, что она влюблена в моего сводного брата.

– Не волнуйся, мама ему передала, что это от тебя, но ты же знаешь Николаса, Вики. Не удивлюсь, если он не услышал. Понимаешь, он сейчас очень занят тренировками и учебой.

На самом деле, вчера у Ника в гостях была его очередная девушка, и я уверена, что моей соседке об этом известно. А о том, что поступок Виктории моего сводного брата рассмешил, и он ее просто высмеял перед своей подругой, язык не повернется сказать.

Я много раз до этого пыталась, но не вышло. Виктория просто не готова слышать.

У младшей Райт очень подвижная мимика, и губы девушки тут же обиженно поджимаются. Она отбрасывает за спину длинные темные волосы и ударяет кулачком по колену.

– Терпеть не могу эту Алисию Паркс! Дура жирная! Сначала на Картера вешалась, а когда он на нее не клюнул, она себе Ника заграбастала! И что он в ней нашел? Подумаешь, выступает в группе поддержки! Да у нее смех, как у глупой курицы, силиконовая задница, а груди и вовсе нет! Совсем!

– Ты же только что сказала, что она жирная, – замечаю я. Вик очень эмоциональная, и это не первый раз, когда я слышу от нее критику в адрес подруг моего брата.

– И что? – задирает она нос. – Не удивлюсь, если Алисия свои помпоны в бюстгальтер засовывает, чтобы внимание парней привлечь! Иначе на что там смотреть? – Лицо у Вик вдруг становится грустным. – Лена, – спрашивает она, – ты думаешь, они с Ником уже спят?

Я не думаю, я знаю, хотя мне это как раз-таки совсем не интересно.

– Слушай, мне кажется, Оливер хороший парень. Вы ведь встречаетесь?

Вик удивляется и разочарованно вздыхает, как будто я ее спросила о каникулах, проведенных у престарелых родственников, и отмахивается:

– Я его бросила! Пару раз поцеловались, и стало скучно. Такой зануда! Господи, Лена, – возвращается она к той теме, которая ее интересует. – Клянусь, если Николас пригласит эту дуру Алисию на Зимний бал – я умру! И что он в ней нашел? Ты видела ее Твиттер? Он же весь в котиках, фу!

Виктория еще что-то говорит, говорит, но я теряю нить разговора. Меня словно тянет обернуться и посмотреть туда, где несколькими рядами дальше сидит Картер. Да, я знаю, что он – не Алекс, что он другой человек, но не могу не смотреть. Вот уже почти год, как не могу.

Я поворачиваю голову и осторожно взглядываю на парня поверх плеча. Он сидит, положив руки на спинку сидения перед собой, и смотрит в окно. Смуглая кожа, чистый лоб, прямой нос, и упрямая, волевая линия рта, из-за которой девчонки в школе сходят с ума по красавчику Райту. Его черты лица резче, чем у брата, но все равно каждая из них мне хорошо знакома – до боли знакома! – и сердце снова готово поверить в невозможное.

Я успеваю об этом подумать, но не отвернуться, и Картер замечает. Вдруг перехватывает мой взгляд и поворачивается. Сжимает в неудовольствии твердые губы, глядя прямо на меня.

Как только автобус заезжает на парковку, и водитель открывает двери, я хватаю рюкзак и спешу выскочить из него в числе первых учеников, чтобы снова не столкнуться с ним и не услышать грубость.

У входа в школу замечаю Николаса, он стоит неподалеку со своим приятелем Питером Салливаном – рыжим здоровяком, и оба смеются. Я тороплюсь пройти мимо, зная, что Виктория наверняка остановится, чтобы пококетничать с ними.

Едва я захожу в класс английского языка, как меня со своего места окликает высокая, симпатичная девчонка с умными глазами и пышным, кудрявым хвостом на макушке – Пилар Мендес, моя самая близкая подруга.

– Лена, ну, наконец-то! Иди скорее же, я тебя жду! Ты не представляешь, как меня бомбит от новостей!

Пилар машет мне рукой и нетерпеливо подпрыгивает на стуле – значит точно хочет меня удивить. За много лет дружбы я успела ее хорошо узнать, чтобы догадаться об этом.

– Пилар, что случилось? Неужели тебя утвердили?

– Привет! Да! – радостно вскрикивает девушка и, вскочив, обнимает меня. – Конечно, пока это всего лишь эпизод в рекламе сока, – объясняет она. – Я буду танцевать на заднем плане в костюме манго, вместе с бананом и ананасом, но мне обещают заплатить целых триста долларов, Лена, представляешь! Скажи, круто?!

У Пилар есть мечта – стать актрисой кино или танцовщицей в какой-нибудь известной труппе на Бродвее. Уехать после колледжа в Калифорнию или Нью-Йорк (она еще не решила) и непременно прославиться! И, честно говоря, для этого у нее есть все шансы, она давно не пропускает любые кастинги в городе. Так что я искренне радуюсь, узнав, что ей наконец-то улыбнулась удача.

– Это же здорово, Пилар! – улыбаюсь. – Поздравляю!

– А еще ты слышала новость? У нас теперь новый преподаватель по истории, мисс Эдвардс. Говорят, она старая дева и жутко дотошная! Она будет вести у нас не только историю, но и дополнительный курс по праву. Ох, чувствую, что завалю у нее первую же контрольную! И зачем я это «Право» выбрала?

– Вот-вот, занудно и неинтересно! – вставляет слово Вик, проходя мимо, – а я вас, девочки, предупреждала! Надо было «Живопись» выбирать, как я, не прогадали бы!

– Хорошо тебе говорить, Райт, – фыркает Пилар, с Вик они не очень хорошо ладят, но сейчас у них перемирие, и обе улыбаются, – а я вот совершенно рисовать не умею!

– Да подумаешь! Сейчас в моде сюрреализм, малышка! А кто не понимает, того в сад!

Обычно у Мендес не закрывается рот, но я к ее болтовне привыкла, и пока класс заполняется учениками и нет преподавателя, мы болтаем с подругой, и грустные мысли отступают.

Так проходят четыре модуля, соединенные в два занятия по английскому и химии, и во время перерыва на обед за наш столик на улице подсаживается Кевин Лоуренс – приятный русоволосый парень, которого мы с Пилар считаем своим другом.

После того, как не стало Алекса, Кевина выбрали главным редактором школьной газеты, и теперь он в постоянном поиске интересных тем для статей.

– Привет, девочки! У меня к вам вопрос, – сразу же начинает Кевин с места в карьер, усевшись рядом со мной на скамейку и распаковывая свой ланчбокс, который принес в руке. – Что вы думаете об идеономике и ее аспектах? Вам это тема интересна?

За секунду до его появления мы с Вик слушали рассказ Пилар о симпатичном парне, который будет в рекламе изображать банан, поролоновом костюме манго и телефоне, который он у нее непременно попросит, поэтому переключиться на Кевина получается не сразу.

– О чем? – Вик жует сэндвич и вскидывает брови. – А попроще можно, Лоуренс? – тычет в парня мизинцем. – Вечно ты со своими умными словечками аппетит портишь!

– Ну, как вы относитесь к жизни и саморазвитию? Интересны ли вам идеи на этот счет?

– Отстой и скука! – хмурится Вик.

– Думаю, да, – отвечаю я. – Это интересно.

– Выкладывай по сути! Что ты еще придумал? – спрашивает Пилар.

Кевин кивает, откладывает обед и достает из рюкзака ручку и блокнот. Распахнув последний, входит в образ ушлого репортера, решившего во что бы то ни стало раздобыть сенсацию.

– Я хочу написать мотивационную статью и провести опрос среди старшеклассников! Хватит праздно идти по жизни! Мы уже в том возрасте, когда пора задуматься о важных вещах!

– Например, о каких? – интересуюсь я.

– Да хотя бы о жизненной философии и о собственной личности, – с готовностью отвечает Кевин. – Но для начала нужно ответить на несколько вопросов.

– На какие? – громко откусывает Пилар кусок от яблока, и он звонко хрустит за ее щекой.

– Например, почему, если на ошибках учатся, так тяжело терпеть поражение?.. Плохо ли украсть еду, чтобы накормить голодного ребенка?.. Когда человек более честен с собой: когда он говорит «да», но хочет сказать «нет»? Или наоборот?.. Почему мы чаще себя ругаем, чем хвалим? Что люди скажут о вас на ваших похоронах?

Виктория невесело смеется, подхватывая губами трубочку из пакета с холодным чаем.

– О, я знаю, что тебе ответит девяносто девять процентов учеников!

– И что же? – готовится записать ее мысли Кевин.

– Иди ты в задницу, Лоуренс, со своей идеономикой! И желательно не возвращайся! Совсем сбрендил?

Парень давно привык к нашей компании, поэтому отодвигает блокнот в сторону и все-таки достает свой сэндвич с напитком.

– Зря ты так, Виктория, – говорит с едва уловимой обидой. – На самом деле это очень важно – научиться отвечать на неудобные вопросы себе самому. И чем

раньше, тем лучше!

– Да ерунда это все!

– Ну, не скажи. Я не хочу прожить до сорока лет, прежде чем научусь это делать. Если хочешь знать, то недовольство собой ухудшает качество жизни, поэтому так важно работать над самосознанием!

– Кевин?

– Что?

Виктория отодвигает чай и закусывает нижнюю губу.

– А ты думал о том, чтобы переспать с девчонкой? Со мной, например? Ну же, ответь!

Это неожиданно, но Вик часто поступает опрометчиво – сначала делает, а потом думает, с интересом наблюдая, куда ее смелость приведет. Парень краснеет, как помидор, и когда мне уже кажется, что Лоуренс не ответит, он все-таки говорит:

– На первый вопрос «да», на второй – «нет».

Виктория хмурится и оскорбленно фыркает, распахнув глаза:

– Да ты тоже не в моем вкусе, понял? Ни капельки! – а мы с Пилар смеемся.

– Хватит дуться, Вик, – замечает подруга. – Ну, чего ты обиделась? Ты ведь тоже не мечтаешь переспать с Лоуренсом, ведь так?

– Лена, подожди! – Кевин догоняет меня в конце перерыва, у самого края лужайки, и, остановив за локоть, смущенно кусает губы. – Я хотел тебя спросить.

Отпустив понятливый смешок, Пилар уходит, оставив нас одних.

– О чем?

Кевин выше меня, и я поднимаю голову.

– Что ты делаешь в эти выходные? Может, сходим куда-нибудь вместе? В кино, или погуляем по пляжу, мне все равно.

Лоуренс смотрит с ожиданием, и я не могу сказать, что его внимание сюрприз для меня. Вот только мне не все равно. Я отказываюсь замечать симпатию парня, но он не отступает.

– Я не могу, Кевин. Извини, но… ничего не выйдет.

– Послушай, Лена, я все понимаю. Алекс ведь был моим лучшим другом. Я ничего не жду, просто прогулка. Мне тоже его не хватает.

Я знаю, что он говорит правду. Смотрю на парня и вижу в его глазах тоску – Алекса многим не хватает. Но я не готова его ни с кем делить, и память о нем тоже. Вспоминать с кем-то наши встречи, такие детские по сути, но полные настоящего чувства, которое горело в нас, а сейчас тлеет во мне одной. За последний год мы все успели вырасти… но только не он.

Мне никогда не отыскать Алекса в его друге, ни в ком из парней, и я даже не стану пытаться.

– Не обижайся, Кевин. Нет.

Он не обижается. Мы по-прежнему друзья и пожимаем друг другу руки.

Глава 7

Я успеваю войти в класс, где надеюсь изучать предмет «Право», вместе со звонком, и учительница, строгого вида женщина в унылом платье цвета вишни и такого же цвета губами, встречает учеников, стоя у доски.

Ее укоризненный взгляд заставляет меня остановиться и извиниться. Пилар уже сидит за партой у окна, выпучив глаза и вжав голову в плечи, и знаком дает понять (полоснув себя большим пальцем по шее), что мне не поздоровится.

– Здравствуйте, мисс Эдвардс! Простите, что задержалась. Можно сесть?

Надеюсь, моя подруга не ошиблась, и я верно произношу фамилию, иначе не избежать неловкости и ненужных проблем. Обычно новых преподавателей ученикам представляет лично директор, но судя по тому, как проницательно женщина смотрит и как спокойно держится, ей это совсем не нужно.

– Как ваше имя? – спрашивает она, и я отвечаю:

– Лена Холт.

Она сверяет мои слова с записью в классном журнале и разрешает:

– Садитесь, мисс Холт, но учтите: вы получили первое предупреждение. Второе опоздание закончится для вас штрафными баллами и работой с дополнительным материалом. И это всех касается! – повышает голос, оглядывая класс. Протянув руку, показывает мне на единственную свободную парту в крайнем ряду у стены:

– Займите свое место, пожалуйста! Теперь на протяжении всего курса оно ваше!

Я киваю, подхватываю рюкзак и тороплюсь сесть, но внезапно спотыкаюсь, заметив за последней партой, следующей сразу после моей, – Картера Райта.

Он смотрит тоже ошарашено, для него это точно сюрприз не из приятных, и мои ноги едва меня слушаются, когда я опускаюсь перед ним на стул.

Черт! Только не это! Он не мог выбрать тот же предмет, что и я!

В классе всего шестнадцать человек, а в школе большой выбор дополнительных дисциплин для желающих получить аттестат с высокими баллами – макроэкономика, фотография, восточные культуры и психология, иностранные

языки. В нашем городе находится один из лучших университетов в штате, поэтому никому не хочется упустить свой шанс.

Так почему именно право?!

Алексу всегда учеба давалась легко, он собирался изучать журналистику, и наверняка бы окончил школу с отличием. Когда Грегори Батлер однажды пошутил, что природа справедливо распределила роли между близнецами – одному дала мозги, а другому кулаки, как Картеру, он обиделся и сказал, что его брат гораздо умнее, чем все полагают, и обязательно это докажет.

Но мне всегда казалось, что старший из братьев рассчитывал на спортивную стипендию, как Николас. Парни из команды по лакроссу просто с ума сходили от прошлогоднего успеха в городском чемпионате, и я слышала, что Райта выбрали капитаном… И вдруг – азы юриспруденции.

От ледяного взгляда в спину лопатки сковало так сильно, что я не могу пошевелиться. При попытке извлечь из недр рюкзака тетрадь и ручку – и то и другое падает на пол, и я застываю в нерешительности, понимая, что не способна их поднять.

– Пересадите ее в другое место!

Мисс Эдвардс как раз заканчивает знакомиться с учениками, когда вынужденно прерывается и поправляет на носу очки, отреагировав на прозвучавшее требование.

– Вы что-то сказали, мистер… э-э, Райт? – переспрашивает она, словно не расслышала.

– Да, – слышится глухое и жесткое за спиной. – Я сказал, пересадите Холт в другое место.

Господи, мое сердце подпрыгивает и колотится, как у испуганной лани. Учащиеся класса поворачивают головы в нашу сторону, и я уже готовлюсь вскочить… когда женщина знаком показывает мне остаться на месте.

– Назовите причину, Райт, почему я должна это сделать?

Картер не смущается. Вряд ли что-то или кто-то способен его смутить, судя по холодному тону.

– Мне не нравится видеть перед собой Холт, вот и все.

Он говорит правду, я знаю, что он меня ненавидит, только не могу понять, почему. Однако сейчас я не нуждаюсь в ответе, мне и самой хочется убраться от парня подальше.

– Я не спрашиваю, что вам нравится, – не менее холодно замечает своему ученику мисс Эдвардс. – Я попросила назвать причину.

– Мне плохо видно из-за нее.

– Вот как? – удивление на лице учительницы сменяет скепсис. – Назовите свой рост, мистер Райт.

Судя по заминке, вопрос Картеру не нравится, но он все же отвечает.

– Шесть футов, мэм.

– А могу я узнать ваш рост, мисс Холт?

Я произношу тихо, но меня слышат:

– Пять футов и четыре дюйма, мэм.

– Хорошо, – кивает учительница, – так я и подумала. Вы выбрали эту парту самостоятельно, мистер Райт? – уточняет у парня. – Без моего участия?

– Да, мэм.

– Помните ли вы главный тезис Декларации независимости?

По ее важному виду легко угадать, что она почти уверена в положительном ответе, и Райт ее не разочаровывает.

– Отлично помню.

– Тогда будьте добры, напомните нам его, пожалуйста. Иначе я усомнюсь в том, не ошиблись ли вы дверью кабинета?

Все в классе затаивают дыхание, и я тоже. Скандала с участием директора никому не хочется. Я бы с радостью пересела, только чтобы остановить этот разговор, – Пилар не ошиблась, мисс Эдвардс оказалась крепким орешком, другая бы уже давно вызвала администрацию.

– «Все люди сотворены равными и все они наделены Творцом неотъемлемыми правами…» – декламирует Райт. – Так гласит первоисточник. Лично я в этом сильно сомневаюсь, но полагаю, вы имели в виду эту часть Декларации, мэм?

– Именно, спасибо.

– Нужно ли мне зачитать наизусть и Билль о правах человека? – в сухом тоне Картера слышится насмешка. – Может, сразу перейдем к поправкам к Конституции и основам правового статуса личности? И все из-за Холт?

Я все-таки не выдерживаю и вытягиваюсь на стуле, готовая соскочить с него в любой момент.

– Обязательно перейдем, всему свое время. А пока что, молодой человек, я так и не услышала причину вашего требования, – напоминает Эдвардс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/logvin_yanina/oskolki-tebya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить